

Руслан Нурушев

**Альбатрос
над
Фисоном**

Роман

Руслан Нурушев

Альбатрос над Фисоном. Роман

«Издательские решения»

Нурушев Р.

Альбатрос над Фисоном. Роман / Р. Нурушев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-851193-6

Социальная фантастика с элементами политического детектива. Мир после Катастрофы. В Лахош, карликовую республику, прибывают революционеры-подпольщики с целью организации убийства главы республики. Одновременно в Лахоше начинают происходить странные события...

ISBN 978-5-44-851193-6

© Нурушев Р.
© Издательские решения

Содержание

ЧАСТЬ – I	6
«Двое с заката»	7
I	7
II	14
III	20
IV	27
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Альбатрос над Фисоном

Роман

Руслан Нурушев

*Посему дано ему имя: Вавилон; ибо там смешал Господь язык всей земли, и оттуда рассеял их Господь по всей земле.
(Быт. XI, 9)*

© Руслан Нурушев, 2024

ISBN 978-5-4485-1193-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ЧАСТЬ – I

«Двое с заката»

I

– Это что, уже Лахош?

– Да, Лахош. Сейчас причаливать будем.

И помощник капитана заторопился дальше. Высокий франтоватый брюнет с усиками и эспаньолкой, в фетровом котелке и с тросточкой, крутанулся на каблуках и подмигнул соседке. А та, молодая дама в бежевой шляпке, внимательно и настороженно изучала из-под вуали приближавшийся городок.

– Ну что, дорогая, – брюнет по-щегоольски небрежно повертел тросточкой, глаза его, насмешливые и дерзкие, весело заблестели, – пойдемте собираться, госпожа Ар-р-пак?

Обращение, и особенно имя, он произнес явно грассируя, покатав «р-р» на языке с подчеркнутой аффекацией, – казалось, сам раскатистый звук доставлял ему некое удовольствие. И с легким поклоном, с шутливо-преувеличенной любезностью предложил руку, затянутую в белую лайковую перчатку. Дама тряхнула головой, серые глаза ее сердито сверкнули.

– На вашем месте, господин Арпак, я бы вела себя посдержанней, – и, оглянувшись, понизила голос. – Хотя бы в интересах дела. Веселиться еще рано.

Г-н Арпак осклабился и шелкнул каблуками.

– Замечание принимается, моя дорогая, – и с усмешкой развел руками. – Хотя это только вопрос стиля: дела лучше делать легко и изящно, с улыбкой на устах. Иначе не стоит и браться. Как, впрочем, и вообще жить.

Та фыркнула.

– Эстетство когда-нибудь вас погубит. Идемте.

...Старенький однопалубный пароходик «Эн-Меркар» Орукского речного пароходства, натужно дымя, стуча и откашливаясь, осторожно причаливал к Лахошской пристани – переоборудованной барже с деревянными надстройками, крашенными в желто-зеленое. То были цвета Лахошской Республики, – флаг ее развевался у мостков на набережную. Набережная – это, конечно, сказано громко: Лахош хоть и отстоял независимость в бесчисленных войнах с соседями, но, по сути, так и остался захолустным городишкой. Как, впрочем, и большинство соседних городков-республик и карликовых княжеств, что во множестве возникли в Приречье, пойме и дельте Фисона, на обломках Восточной Конфедерации после Катастрофы.

Ярко светило августовское солнце, бликуя и искрясь на речной ряби. Безоблачно и безмятежно голубело небо в вышине, лишь крылья чаек резали его просторы. Сухой ветерок доносил запахи степей, окружавших Лахош, – полыни, выгорающих трав, кизяка. С полузатонувшего паррома, рядом с пристанью, с дикими визгами и хохотом сигали в воду загорелые дочерна пацанята. И поднимали тучи брызг, непрерывно шумя, галдя, перекликаясь. А поодаль трое босых мужиков, закатав штаны и поскидав рубахи, толкали к реке лодку. На другом берегу, на дебаркадере, грузилась керосином посудина, гремели бочки; у горизонта, где начинались Хайварские холмы, темнели нефтяные вышки. Был обычный воскресный день.

Когда, вздрогнув, «Эн-Меркар» пришвартовался, на причал со стуком перекинули деревянные сходни. Чета Арпак с саквояжами сошла в числе последних. Торопиться особо было некуда – судно прибыло из Орука, пусть ныне и дружественного Лахошу, и предстоял обычный в таких случаях въездной контроль.

Поперек крытого прохода к мосткам уже натянули цепь – до окончания осмотра. Вдоль нее, по разные стороны, лениво, со скучающим видом расхаживали два ефрейтора Национальной Гвардии в желто-зеленом камуфляже и небрежно сдвинутых беретах, с карабинами

за плечами. Перед ними, чуть расставив ноги и заложив руку за спину, надвинув фуражку пониже, стоял молодой лейтенант. На холеном лице его, казалось, застыла безразлично-вежливая маска, и, как кукла-автомат, он лишь равнодушно цедил: «Граждане Лахоша – направо, к таможенному. Иностранные подданные, а равно лица без подданства – в левый коридор, на миграционно-таможенный контроль. Приготовить документы и багаж к осмотру...» Г-н и г-жа Арпак повернули налево. За натянутой цепью топтались встречающие – некоторые с цветами. Топтались нетерпеливо, высматривая прибывших, недовольно косясь на гвардейцев.

– Итак, Ильшу Арпак, тридцать семь лет, гражданин Амарнской Демократической Республики. Миса Арпак, двадцать девять лет, гражданства того же, супруга, как понимаю. Паспорта серии...

Они находились в небольшом, скудно обставленном кабинете. За конторским столом, заваленном бумагами, восседал маленький кругленький человечек в таких же кругленьких очочках, в канареечном мундире с голубыми петлицами. Назвался он инспектором Миграционного Департамента Абонем, и очочки его строго поблескивали на свету, когда он изучал документы. У распахнутого настежь окна в потертом облезлом кресле развалился с газетой в руках субъект в штатском. Это был коренастый, плотно сбитый крепыш лет тридцати с бритым затылком. Он не представился, и хоть демонстративно громко и шуршал листами, но тем не менее, как заметила г-жа Арпак, внимательно прислушивался, бросая украдкой быстрые взгляды.

На рассохшемся, давно не крашенном подоконнике стоял графин с водой, валялись брошюры законов. На стене, над головой инспектора, висел портрет Маршала Бнишу, красавца-бородача в гвардейском мундире, бессменного со времен Революции Хранителя Республики. В углу темнел сейф с полуотворенной дверцей, за которой виднелись ящики картотек, папки дел, початая бутылка водки и два граненых стакана. Из окна доносились визги ребятни, противными голосами перекликались чайки, вдали надрывно лаяла собака. Присесть на пустующие у стены стулья, даже даме, им так и не предложили.

– Так, господин Арпак, – инспектор Абон придвинул к себе бланк, взял ручку, – место рождения?

Г-н Арпак удивленно поднял бровь.

– А что, этого нет в бумагах?

– А что, у вас в Амарне все на вопрос отвечают вопросом? – инспектор поднял взгляд, стеклышки очков грозно блеснули. – Отвечайте на поставленный вопрос! Что у вас в документах, я вижу и без вас, меня интересует ваш ответ. И вообще, вопросы здесь задаем мы, зарубите это себе на носу!

Г-н Арпак возмущенно покрутил головой, но сдержался.

– Хорошо! – и с отвращением сдернул перчатки. – Пишите: родился в поселке Раппур Амарнской Республики в шестьдесят девятом, четырнадцатого...

– Достаточно! – быстро и не совсем вежливо прервал чиновник. – Про дату рождения вас никто не спрашивал, отвечайте только на поставленные вопросы. Род занятий?

– Преподаватель, доктор философии, занимаюсь проблемами...

– Достаточно! Это ваши проблемы. Цель приезда?

– Приглашен истфаком Лахошского Университета, буду читать курс по современной космологии. Приглашения и рекомендации у вас.

– Срок пребывания?

– До конца учебного года.

– Где жить? Багаж? Что ввозите?

– Университет предоставляет квартиру, адрес – в приглашении. Багаж прибудет позже, на следующей неделе. С собой вот только самое необходимое, – и он кивнул на саквояжи, – ничего запрещенного.

– Это не вам судить! – оборвал его инспектор, и последовал еще с десятков вопросов, заданных всё тем же быстрым, резким тоном. Вопросов причем самых разнообразных: от причины смерти прабабушки по отцу до любимого блюда классного руководителя в гимназии. Г-ну Арпаку иной раз не оставалось ничего другого, как только недоуменно пожимать плечами.

Закончился допрос, а это скорее напоминало именно допрос, вопросами уже политическими:

- Отношение к эрдекам?
- Простите?
- К радикал-демократам. И вообще, ваши убеждения?
- А-а, отношение – отрицательное, по убеждениям – консерватор.
- Поясните!
- Любой существующий режим – благо, любое изменение – зло.

Субъект в штатском оторвался от газеты и с любопытством посмотрел на г-на Арпака, инспектор Абон хмыкнул.

– Что ж, последний вопрос: посещали когда-нибудь Насар? Имеете там родственников, друзей, знакомых?

- Нет, – быстро мотнул головой г-н Арпак, – не посещал, не имею.
- Тогда саквояж к осмотру!

После осмотра, разумеется ничего не выявившего, наступил черед г-жи Арпак. И опрос был не менее жестким, порой словно провоцируя ответную резкость. Но дама, к удивлению инспектора, держалась достойно: на грубость не реагировала, отвечала спокойно, четко, ясно, хриловатый голос ее звучал ровно, сдержанно; откинув вуаль, взгляда не отводила. Лишь в глазах ее, серых, холодных, что называется с льдинкой, мелькало легкое презрение, внешне, конечно, не проявляясь. Так что опрос ее прошел без заминок.

– Так, теперь вот ознакомьтесь оба. Это выжимка из Указа Хранителя «Об иностранных подданных», – инспектор протянул памятки, – с правами вашими, обязанностями. Там всё понятно изложено, даже для докторов философии. Разумеется, господин Арпак, никого лично из присутствующих я не имел в виду, успокойтесь, читайте дальше. И про комендантский час предупреждаю сразу: с двух до четырех утра запрещено выходить из дома без специального на то разрешения.

– Комендантский? – г-н Арпак оторвался от памятки. – Первый раз слышу! Это что ж, чрезвычайное положение, что ли? И давно?

– Нет, что вы, у нас всё спокойно. А что не слышали, не удивительно, у нас его тоже многие не замечают. Рань ведь собачья, кому шляться охота в такое время? А ввели его еще с осени прошлой, по просьбе народа конечно, в связи с... – чиновник запнулся, – с некоторым, так сказать, осложнением международной обстановки в Приречье.

Г-н Арпак ухмыльнулся.

– Это у вас так переворот сентябрьский в Насаре обозвали? Осложнение!

Субъект у окна вновь с любопытством повернул голову, г-жа Арпак бросила на мужа быстрый сердитый взгляд, но инспектор был настроен уже миролюбиво и лишь развел руками:

– Не знаю, господин Хранитель мне не отчитывается, это официальная формулировка. Да и, в конце концов, скажите: что вы делаете с двух до четырех утра?

– Я? – г-н Арпак пожал плечами. – В общем-то, как и все, наверно, нормальные люди, сплю сном праведника.

– Вот и спите дальше! – инспектор даже развеселился. – Больше спишь, меньше грешешь! Так ведь, госпожа Арпак? Прочитали? Распишитесь вот здесь, что с законами Лахошской Республики ознакомлены. И вы, господин Арпак. И помните: знание закона также не освобождает от ответственности!

Убрав журнал, инспектор быстро шлепнул штампы в паспорта и с некоторой торжественностью вручил их супругам Арпак. Лицо его излучало теперь лишь неподдельную радость, словно мечтал об этом с момента, как они переступили порог кабинета.

– Ну что ж, дамы и господа, смею поздравить с окончательным прибытием в Лахош! – он весело потер руки. – Добро пожаловать на нашу гостеприимную землю! Как выразился в своей последней речи наш дорогой Маршал, гостям-друзьям мы рады, а недругам – всегда дадим отпор! Адрес посольства Амарнского знаете? Хорошо, не забудьте, кроме того, у квартального своего отметить, адрес у любого дворника можете спросить. Не смею больше задерживать, всего хорошего! Паспорта с визой покажете на посту, вас пропустят.

Когда они, подхватив саквояжи, двинулись к выходу, г-на Арпака уже в дверях окликнул субъект в штатском, с некой поддевкой в голосе поинтересовавшись:

– А как драгоценное здоровье Демократора Амарны?

Г-н Арпак быстро обернулся и пристально взглянул тому в глаза, а затем небрежно поднял котелок и ответил в тон – насмешливо и немного резко:

– Спасибо, не хуже, чем у Хранителя Республики. Всего доброго, господа!

Когда они вышли, г-жа Арпак торопливо опустила вуаль и, не поворачивая головы, почти не разжимая губ, тихим злым голосом зашептала-зашипела:

– Господин Арпак, объясните, пожалуйста, зачем вы постоянно с ними цапаетесь? Зачем эти шпильки, стычки? Вы с кем сюда приехали бороться?! С этим инспекторишкой? С тем типом из охраны у окна? Зачем нарывааетесь? Хотите провалить дело? Да, вас назначили старшим, но не забывайте, я тоже участвую. И у меня совершенно нет желания примерить местную пеньку на свою шею! Как товарищ по партии, я имею право высказать вам всё!

Г-н Арпак выглядел смущенным, он примирительно взял за руку.

– Всё, Миса, замечание принимается, был неправ, – и вздохнул. – Просто достает иногда чиновное хамство и самодурство. Но я не оправдываюсь, ты, конечно, права: дело прежде всего. Кстати, не пора ли нам перейти на «ты»? Всё-таки нам еще долго работать вместе. Да и не забывай, официально мы ведь супруги уже лет десять. Хорошо? И обращай ко мне, пожалуйста, без «господина», лучше по имени.

У мостков их встречал полненький, весьма жизнерадостный и подвижный господин средних лет в широкополой панаме и с букетом гвоздик.

– С прибытием, господин Арпак! – его лоснившееся от пота лицо расплылось в широкой улыбке, он с силой потряс небрежно протянутую руку. – Рад видеть вас в добром здравии! А это вашей очаровательной спутнице!

Церемонно шаркнув ножкой, он вручил букет г-же Арпак.

– Познакомься, Миса, это господин Эмердис, – г-н Арпак представил встречавшего, – глава местной Ассоциации «Просвещение», это они нам приглашение организовали. И просто мой хороший знакомый, еще студенческих лет, прошу любить и жаловать. А это, господин Эмердис, госпожа Арпак. Можно просто Миса, моя супруга, – он чуть запнулся и, оглянувшись, тихо добавил, – по крайней мере для всех в Лахоше.

– Разумеется, разумеется! – Эмердис всплеснул руками и, сделав понимающее лицо, заговорщически подмигнул Мисе. Та слегка поморщилась от такой фамильярности, но Эмердис словно ничего не заметил. – Очень приятно, госпожа Арпак, или Миса если позволите. Разрешите ваш саквояж? Меня тоже можете звать только по имени – Патиф. Мы здесь все запросто, без церемоний, по-товарищески так сказать. Ну, пойдете, покажу вам квартиру вашу, деканат это поручил мне. Это здесь недалеко совсем, на Сапожной, минут десять. У нас в Лахоше, в общем-то, всё рядом, городок, сами видите, небольшой.

Лахош и впрямь не поражал воображения. В обе стороны от пристани, вдоль холмистого, местами обрывистого берега тянулись ряды сельских домов, большинство – деревянные. Покатые крыши с серым шифером, окна с крашеными ставнями, перед ними – маленькие

палисадники, у калиток – скамейки. За заборами, во дворах-садах, склонялись под тяжестью плодов яблони, груши, айва. Вдоль самой набережной, у кромки воды, сохли десятки лодок, а по бокам не мощеной, но хорошо укатанной дороги высились две шеренги долговязых тополей – видимо, с претензией именоваться аллеей. Улочки, что вели в центр Лахоша, такие же немощеные и пыльные, были засажены вязами, кленами, акациями. Зелени в городке хватало, хоть и не отличавшейся особой ухоженностью.

Наступал вечер, теплый летний вечер. Солнце незаметно склонялось к холмам, что ограждали Лахош с запада и юга. С Фисона повеяло прохладой и тиной. Было слышно, как старательно пытит вверх по течению «Эн-Меркар», возвращаясь в Орук. А двое прибывших шли по неширокой кривой улочке. Г-н Арпак, небрежно помахивая тросточкой, негромко беседовал с семенившим рядом Эмердисом и время от времени бросал по сторонам скучающе-рассеянные взгляды. Миса же внимательно, с некоторой даже настороженностью оглядывала из-под вуали всё вокруг, изучая, запоминая дорогу, расположение и названия улиц. На углу, у забора, щипала траву пятнисто-рыжая телка с бубенцом. Под ближайшим вязом в куче песка возилась малышня. Из дворов, крихтя и ворча, потянулись бабушки-старушки – на скамеечках посидеть, воздухом вечерним подышать, косточки родным перемыть. Встречались немногочисленные прохожие.

Как и во всяком небольшом городке, появление новых лиц, конечно, не могло остаться незамеченным. На чету Арпак взирали кто с явным любопытством, кто с напускным равнодушием, а кто-то косился – угрюмо, с непонятной враждебностью.

Ближе к центру улочки стали прямее, шире, оживленней. Появились мощеные мостовые с гуляющей праздной публикой, двух- и трехэтажные каменные дома с магазинами и лавками на первых этажах под незатейливыми желто-зелеными вывесками.

Автомобили встречались редко: уцелевшие после Катастрофы давно проржавели и пришли в негодность, а новые умели делать только в Насаре (да и то не в промышленных, а в штучных масштабах). И стояли они немалые суммы. Поэтому «катались на авто», в основном, или чиновники-сановники, или заводчики-миллионщики. Впрочем, после сентябрьского переворота в Насаре, когда захватившие власть радикал-демократы заговорили о «демократизации Приречья» и признали Лахош «деспотией», а Маршал в отместку лишил насарских промышленников концессий на добычу хайварской нефти и национализировал их вышки, о новых автомобилях можно было забыть. Как и о насарских бензине, керосине, солярке (силами заводчика Эбиза, соорудившего в Хайваре перегонные кубы, простейшую нефтепереработку, конечно, худо-бедно наладили, но топлива все равно не хватало – большая часть уходила на блок-станции и освещение).

За старым разросшимся парком высились колокольня и золотистый купол Лахошского кафедрального собора, но до него гости не дошли.

– Вот мы и пришли, – Эмердис толкнул зеленую калитку. – Проходите, можете пока двор осмотреть. В саду беседка есть, для вечерних чаепитий. Сейчас дом сам открою.

Это был старый купеческий особняк – крепкий, добротной постройки, на кирпичном цоколе, крашенном желтой краской, с резными наличниками, крытым деревянным крыльцом и тяжелой дубовой дверью, обитой жостью. Утоптанная дорожка вела вглубь двора, где под широко раскинувшейся яблоней виднелась летняя беседка. А вокруг – помидорные и цветочные грядки, впрочем сильно запущенные. У дощатого забора густо разрослась малина.

– Дом, конечно, не новый, – Эмердис поставил саквояж на крыльцо и завозился с ключами, – еще прежних, княжеских времен. Здесь раньше купец Иаби жил, потом конфисковали во время Революции. И приют был, и интернат, потом вот Университету отдали. Собираются пансионат для преподавателей молодых сделать, кто без жилья своего. А то многие в общежитии студенческом ютятся, со студентами вместе, комнат не хватает, общежитие-то маленькое. Но пока как гостиницу используют. Адрес на всякий случай запомните: улица Сапожная, сем-

надцать. Это если вдруг заблудитесь где-нибудь на первых порах. Но у нас заблудиться мудрено. Прошу!

Отперев замок, он не без труда, но торжественно и церемонно распахнул дверь, пропуская гостей.

– Чувствуйте себя как дома! Надеюсь, вам понравится, – и засуетился. – Вот это у нас передняя, там – гостиная и кабинет, столовая и спальни – дальше.

Квартира Мисе понравилась. Комнаты небольшие, но уютные, чистые, аккуратно прибранные. Обои спокойных – салатных, бежевых – тонов, на окнах – ситцевые, пестрых расцветок занавески. Мебель старенькая, но вполне приличная, крашенные деревянные полы, коврики под ногами, горшки с зеленью, пара дешевых репродукций на стенах – всё было просто, безыскусно, без претензий на роскошь или изящество и потому не вызывало раздражения или отторжения.

Показав квартиру, попутно делясь местными новостями и сплетнями, причем многословно и с деталями, выразительно и живо жестикулируя, Эмердис засобирался.

– Располагайтесь поудобней, отдохайте, не буду мешать. А вот к девяти вечера ждем на ужин к декану, профессору Ируму. Разумеется, зайду за вами сам, познакомитесь с членами Ассоциации, – и, многозначительно взглянув на гостей, заговорщически подмигнул. – Общество наше увидите. Форма одежда – свободная, мы здесь все запросто, по-демократически, без церемоний. Кухню нашу отведаете. Да, по поводу кухни, уборки, – спохватился Эмердис. – Можно задешево договориться с соседкой любой, чтоб убиралась, готовила.

– Нет! – несколько торопливо и резко прервала Миса. – Никого нанимать не нужно. Я – не барышня-белоручка, сама справлюсь.

Эмердис слегка удивленно посмотрел на нее.

– Ну, как хотите, – он недоуменно развел руками. – Я, конечно, понимаю, конспирация и всё такое...

Миса вспыхнула.

– Господин Эмердис! Вам не кажется, что вы слишком много говорите? И произносите массу совершенно ненужных, излишних слов!

Эмердис смешался и сконфуженно сдернул с головы панаму.

– Виноват, госпожа Арпак, виноват, больше не повторится! Больше ни одного лишнего слова! – прижав панаму к груди, он попятился. – Виноват, но теперь я – могила! – и уже в дверях, вновь нахлобучив панаму, как ни в чем не бывало поинтересовался. – Ну так что, я зайду к девяти?

– Ты уверен, что на него можно положиться? – спросила Миса, когда за Эмердисом закрылась дверь.

Г-н Арпак пожал плечами.

– Он, конечно, болтлив немного, но человек верный, проверяли. А поболтать всегда любил, это я знаю, я же рассказывал, что курс один вместе отучились – по программе обмена. Сочувствует он нам давно, в этом могу заверить лично, в кругах наших еще с тех лет вращаться начал, так что стаж у него большой. Да и здесь потом, по отзывам наших, показал себя очень неплохо. Сам, без поддержки, Ассоциацию эту создал, и многих под ее крышей собрал, декана вон даже истфака завлек. Сегодня, кстати, посмотрим, что это за кадр. Так что, по-моему, зря беспокоишься. Он не без недостатков, конечно, но политически ориентирован верно и пользу принести может. К тому же не забывай, мы и так не собираемся вводить его в курс дела, об этом и речи быть не может. Для него мы здесь только пропагандисты, послы-советники, как лучше эрдекское движение организовать. Он ведь свою Ассоциацию ячейкой нашей РДП считает, и пусть считает – на здоровье! – разубеждать не надо. Всё, что хотели получить от него, получили: приглашение пробил, въехали как законопослушные, крыша над головой, вот она, нате, на сочувствующих через него выйти можно, связи его задействуем. Так что человек он небес-

полезный. Я не строю иллюзий, для главной цели он, конечно, непригоден, не тот материал, но отталкивать его, по-моему, рано.

Миса упрямо поджала губы.

– Всё равно мне он не нравится, – и тряхнула головой. – И я против привлечения через него, из этой его Ассоциации. Подумай сам, городок здесь небольшой, живет давно, наверняка охранка местная уже в курсе, что это за Ассоциация такая. Надо, наоборот, подальше от него, и людей подбирать самим. К тому же уверена, что людей нужных в Ассоциации его не найдем. Судя по главе, наверняка, это клуб любителей поболтать об идеалах демократии, сборище фанфаронов, – легкая презрительная улыбка скользнула по ее губам. – Я не люблю таких людей, Арпак, пусть они и верны радикал-демократии: кто не работал в подполье, за кем никогда не охотились, тем многого не понять. Они думают иначе, и могут просто проболтаться, между делом, не со зла, я сталкивалась с такими. Для дела они непригодны.

– Хорошо, я не возражаю, – г-н Арпак небрежно швырнул котелок на стол и плюхнулся в кресло, закинув ногу на ногу. – Наверно, ты права. На ужин, так и быть, сходим, визит вежливости отдадим, всё-таки декан приглашает, начальник мой, нам работать с ним, пригодится. Да и вообще мы же вроде законопослушные граждане Амарны, люди светские, отказываться нам не резон. Ну а завтра начнем сами, Эмердиса к черту, в Университет только схожу, расписание узнаю, обязанностями своими манкировать тоже не след, – он зевнул, обнажив крепкие белые зубы, а потом неожиданно, словно вспомнив что-то, рассмеялся. – Надо же, смерть прабабки их заинтересовала! Дурдом! Я бабку-то в живых не застал. А ты, кстати, Мис, со своими хоть видишься?

II

– Всё, Элай, заканчивай, – из распахнутого окна во двор высунулся Метих, уже в чистой рубахе, умытый, с мокрыми волосами. – На сегодня хватит, ступай домой, завтра доделаем. Глину только и формы в чулан занеси и иди.

– Ладно, – Элай отложил мастерок, которым ровнял «пласт», заготовку из глины, и вытер руки о тряпку. – Завтра так завтра, – и, помявшись, запинаясь и слегка покраснев, поднял взгляд на хозяина. – А аванс завтра нельзя будет получить? А то у меня за хату за июль еще не всё уплачено, хозяйка ругается, выселить грозит.

Из-за тщедушной спины Метиха, из глубины комнаты, выплыла бесформенно тучная фигура Нданы, его жены. Выплыла величаво-встревожено, словно услышав, что разговор зашел о деньгах. Метих испуганно замахал руками.

– Завтра, завтра поговорим! Ступай!

И торопливо захлопнул окно, – разговор был окончен. Элай вздохнул. Коли эта «Масса», как называл он Ндану про себя, услышала, значит, аванса не будет, – о скупости и прижимистости Нданы, державшей мужа в ежовых рукавицах и заправлявшей его денежными делами, по околотку ходили легенды. Элай занес ведра с глиной и формы для лепки в примыкавший к дому чулан, пропахший старым тряпьем и мышами, где Метих хранил сырье, готовый товар и разный хлам. Накрыв глину мешковиной, Элай прибрался в мастерской, как громко называл Метих крытый деревянный навес посреди двора с дощатыми столами, парой ножных гончарных кругов, обшарпанными корытами для замеса и печкой для обжига в углу. Безрадостные мысли не оставляли его и перед уходом. Где бы денег достать? Элай вышел на улицу и, еще раз оглянувшись на дом хозяина, негромко чертыхнулся. И вообще, на что, спрашивается, жить? А хозяйке что сказать? Он вновь вздохнул и понуро поплелся к себе.

... Вот уже месяца два Элай Абон, двадцатидвухлетний молодой человек из, в общем-то, вполне приличной, благополучной семьи, работал подмастерьем у гончара Метиха (тот, правда, любил именовать себя «ваятелем керамики»). В недавнем прошлом студент истфака Лахошского Университета (как и все в Приречье, Лахош после обретения независимости тоже «завел» и Университет, и Академию, и прочие «символы суверенности»), теперь он осваивал новое ремесло – после разрыва с отцом и ухода из дома приходилось рассчитывать только на себя.

А начались его мытарства еще зимой, с той глупой истории. На студенческой вечеринке по случаю начала семестра разгорелся политический спор, – студентов ведь хлебом не корми, дай только поспорить. И Элай, изрядно захмелевший к тому времени, неосторожно ввязался в него. И не просто ввязался, но и позволил пару резких высказываний о Хранителе Республики и Лахоше в целом, хотя политикой вроде бы особо не интересовался и дискуссий таких не любил (будучи по характеру человеком замкнутым, малообщительным, что называется асоциальным, он чаще был занят своими, только ему известными мечтами и мыслями). Скорее, то было влияние спиртного – оно всегда действовало на Элая непредсказуемым образом: то вдруг начинало тянуть к общению, причем шумному, со спорами, гамом, безудержным весельем, порой даже песнями, то, напротив, впадал в самую черную меланхолию и мизантропию. А через два дня его и еще нескольких участников вечеринки попросили в деканат, к профессору Ируму, лишь месяц как назначенному деканом. Вызывали по одному, Элая – первого.

– Ну-с, присаживайтесь, молодой человек, – профессор Ирум, высокий седовласый старик с благообразными чертами лица, кивнул на кожаное кресло напротив. Кивнул величаво, что называется с чувством собственного достоинства, сложив белые холеные руки на чуть выпиравшем брюшке. – Присаживайтесь, в ногах правды нет, а разговор у нас предстоит серьезный.

Элай внутренне поежился и осторожно присел на краешек кресла. О чем пойдет речь, он не догадывался, но что ничего хорошего ждать не стоит, знал твердо: хоть и слыл, по слухам, профессор Ирум человеком либеральным и мягким, но должность декана, отвечающего за всё на факультете, обязывала ко многому. В просторном кабинете с заставленными вдоль стен шкафами книг они были одни. Лишь сурово – или Элаю казалось? – поджав губы, взирал на них Маршал в почетно-докторской мантии (портрет его в тяжелой золоченой раме висел над головой декана). Да беспечно скакал в клетке у окна желто-зеленый попугайчик бофирской породы, звавшийся в Лахоше «гвардейцем» – из-за расцветки.

– Ну-с, господин Абон, – декан неторопливо взял со стола бумагу и укоризненно покачал головой, – «сигнал» на вас поступил, нехороший «сигнал». Откуда, говорить не буду. Сами понимаете, откуда у нас «сигналы» приходят.

Он нацепил на нос очки в тонкой изящной оправе и отвел бумагу на вытянутую руку, как страдающий дальновзоркостью, а затем зачитал густым приятным баритоном:

– Третьего дня, в доме студента Отама, Элай Абон, студент четвертого курса исторического факультета Университета, дословно заявил: «Никакой республики, демократии у нас давно уже нет, наши так называемые выборы – смешны, а Маршал Бнишу – не Хранитель Республики, а ее хоронитель и узурпатор. Да, когда-то в далекой молодости лейтенант-артиллерист Бнишу организовал партизан, Сопrotивление и спас Революцию, Республику, разгромил интервентов под Вулоном, этого отрицать не буду, но Маршал Бнишу давно переродился в тирана-самодержца, ничем не лучше прежних князей».

Закончив, декан также неторопливо отложил бумагу и очки и посмотрел на Элая.

– Ну-с, молодой человек, что можете сказать по этому поводу?

Голос декана был совершенно спокоен, ровен, но глаза его наблюдали внимательно. Элай опустил голову, лицо залила краска. Кто?! Неужели кто-то с вечеринки, из приятелей-сокурсников, мог донести в охранку?! Эта подлость не укладывалась в голове. Он, конечно, слышал, конечно, знал, что такое есть, такое бывает, но никогда не верил, что это может произойти в их кругу, среди студентов, – те ведь всегда отличались оппозиционностью, фрондерством, – не верил, что среди них мог затесаться «неизвестный доброжелатель».

– Что же вы молчите, господин Абон?

Элай поднял наконец-то глаза и криво усмехнулся.

– А что, у нас и впрямь демократия? И на выборах мы кого-то выбираем?

Страх не было – как ни странно, несмотря на кажущуюся робость, меланхоличность, даже застенчивость, критические ситуации действовали на Элая возбуждающе. В такие моменты вдруг просыпалось упрямство, твердость, непреклонность, желание сопротивляться и стоять на своем до конца, хотя в обычной будничной жизни мало что могло заставить подзревать в нем эти черты. Так уж на него действовало столкновение с явной и очевидной несправедливостью, ложью, подлостью, когда поднявшееся негодование ломало привычные рамки существования с их привычными рамками поведения.

– А, так всё-таки говорилось? – декан пристально глядел на Элая. – Я правильно вас понял, господин Абон?

Элай взгляд его выдержал.

– Да, господин профессор, говорилось.

Но чуть покраснел. Ведь то, что это было сказано под пьяную руку, значения не имело – он подписался бы под теми словами и сегодня. Что у трезвого на уме, то у пьяного на языке, – истина старая как мир.

«Гвардеец» на жердочке резко защелкал клювом. Профессор Ирум нахмурился и побарабанил по столу.

– М-да, неприятная ситуация, – и пожевал губами. – Я, конечно, уважаю вашу честность, прямоту и признаю, разумеется как частное лицо, что э-э... отдельные стороны нашей поли-

тической жизни дают основания для подобных высказываний, но как декан, как должностное лицо государственного учреждения я буду обязан прореагировать по закону, а не по велению совести. Я – на службе, и разбираю служебный, а не личный вопрос.

Элай развел руками – воля ваша, профессор! Профессор откинулся на спинку и вновь побарабанил.

– Если честно, мне очень не хотелось бы доводить дело до исключения из Университета, а вопрос сейчас стоит именно так. Всё-таки вы у нас далеко не худший студент, успеваемость хорошая, преподаватели хвалят. Отца вашего я немного знаю, достойный человек, для него это будет тяжелый удар, и о карьере можно будет забыть. С чисто материальной стороны – тоже обидно, всё-таки семья ваша, как знаю, не из богатых. Столько потратиться на учебу, и всё зря? – он помолчал, пощипал подбородок и вздохнул. – Может, нам подумать, как всё это преподнести иначе? Например, напишете объяснительную, что так, мол, и так, спор был шумный, говорили все громко и все разом, друг друга не слушая, а что всё было именно так, я не сомневаюсь, у нас по-другому спорить не умеют, и вас в шуме-гаме просто не так поняли. Что ничего такого вы не говорили, или говорили, но про времена княжеские, дореволюционные, а потом такие же объяснительные соберем и от других. И тогда я с чистой совестью смогу отписать в Охранный Департамент, что их «сигнал» не подтвердился или имело место обычное недоразумение. Слова будут против слов и с той, и с этой стороны, никто в такой ситуации ничего не докажет, и вряд ли охранка даст дальнейший ход делу. На заметку, конечно, возьмут, но, уверен, мы и так у них все «на заметках». Так как, господин Абон, устраивает вас такой план? Не для выгоды ведь своей стараюсь, только из чувства солидарности студенческой. А мы все здесь – студенты, кто нынешний, кто бывший, и должны поддерживать друг друга против всяких господ, что не в свои дела лезут, а?

Элай замялся: как объяснить человеку, что не желает, не хочет врать, изворачиваться, зависеть от чьей-то милости? Разве это не было бы трусостью и малодушием – отказываться от собственных слов, а слова переданы более или менее точно. Да и, вообще, с какой стати он должен перед кем-то отчитываться за свой частный спор? Разве в Конституции не записана свобода слова, мнения? Он закусил губу и неловко поерзал на краешке кресла.

– Спасибо, господин профессор, за ваше предложение, поддержку... – и опустил глаза, слова давались с трудом, – но мне... но я ничего писать не буду. Я такое говорил, и от слов своих отказываться не собираюсь. Да и просто... – он запнулся и мотнул головой, – противно изворачиваться, юлить перед ними. Не хочу. Просто не хочу, и всё.

Профессор Ирум удивленно поднял бровь, – он, вообще-то, ожидал другого: горячей благодарности за спасение и прочих изъявлений.

– Послушайте, господин Абон, отдаю должное вашим чувствам и, отчасти, даже разделяю их как человек мыслящий и не лишенный чувства собственного достоинства. Меня тоже многое задевает в нашей жизни, мне тоже многое не нравится, но ведь на карту, по сути, поставлена ваша дальнейшая судьба, карьера! С «волчьим билетом» вы не сможете никуда устроиться, «никуда» я подразумеваю приличное оплачиваемое место, подобающее образованному человеку. Подумайте!

Но Элаю, что называется, вожжа под хвост уже попала. Сколь долго и обстоятельно не убеждал декан согласиться на предложенный вариант, теряя терпение, но Элай только упрямо мотал головой – нет, господин профессор, нет. Под конец раздосадованный, выведенный из себя профессор сердито хлопнул по столу.

– Довольно! – и встряхнул руками. – Я умываю руки! Как говорили в старину, ваши беды – на вашей совести! Кого дьявол хочет погубить, того он лишает разума. Мне не остается ничего другого, как поступить с вами по закону, вы не дали мне шанса помочь вам. Идите! О решении вам сообщат.

И о решении спустя три часа сообщили: «исключить из Лахошского Университета за антигосударственные высказывания без права восстановления». Причем исключили только его, хотя к декану вызывали нескольких, а вечером дома, в отцовском кабинете, состоялся бурный разговор с Абоном-старшим.

– Ты... ты... как ты мог?! Как ты посмел?! – задыхаясь от гнева, трясясь и топая ногами, кричал маленький круглый человечек, его отец, и круглые очки яростно поблескивали на свету. – Ты подумал о нас?! О матери, о брате, которым все будут тыкать: а-а, это мать, брат того самого! Об отце родном, которому теперь, видно, до самой пенсии сидеть младшим инспектором? О каком повышении можно будет думать, если сын – родной сын! – политически неблагонадежен?! Ты нас подставил, нас, понимаешь?! И это после всех наших жертв, чтобы ты мог учиться! Я пашу как вол на работе, мать гроши выгадывает, и всё вам, всё для вас, а он, нате вам, получите «подарочек»!

Он бушевал долго, брызгая слюной, потрясая кулаками и проклиная тот день, когда породил на свет столь неблагодарное существо. Робко молчавшая в дверях мать поспешно ретировалась на кухню, чтоб не попасть под горячую руку супруга, – перечить ему в доме никто, кроме Элая, не решался. В сущности, он был неплохим мужем и отцом и искренне заботился о благе семьи (конечно, в соответствии со своими представлениями), но несдержанность, тайная неудовлетворенность карьерой, положением в обществе и прирожденная склонность к самодурству превращали его порой в мелкого домашнего тирана, не переносящего неповиновения, возражений, критики, требующего безусловного подчинения.

Обычно Элай, как человек, в общем-то, мягкий и уступчивый, старался не прекословить отцу. Но сегодняшние события – разговор с деканом, исключение из Университета, внезапно рухнувшие жизненные планы и полная неопределенность будущего – выбили из колеи, вывели из равновесия, заставив обостренно реагировать на всё. Тем более на попреки в неблагодарности, тем сильнее резанувшие, что он и сам чувствовал вину перед семьей. И поэтому, когда отец в грубой, категоричной, ультимативной форме потребовал, чтобы Элай завтра же подал прошение шеф-комиссару Департамента Образования о его чистосердечном раскаянии и восстановлении, Элай, уже взвинченный и озлобленный до предела, взорвался:

– Хватит! – он грохнул кулаком по столу и, бледный, с перекошенным лицом, заорал в ответ. – Не ори на меня! Я уже не мальчик пятнадцатилетний! Это ты на мигрантов своих ори на работе, а на меня не смей! И никуда я просить не пойду! Исключили, и хрен с ними! Плевать я на них всех хотел, ясно?

Во внезапно наступившей тишине было слышно, как на кухне в ужасе что-то выронила из рук мать, как испуганно замерли шаги брата за стеной, в спальне, готовившегося к школьному митингу в честь тридцать шестой годовщины Революции. Абон-старший вначале изумленно воззрился на сына, не веря ушам, а затем, задохнувшись и побагровев, взвизгнул фальцетом:

– Вон! – и затопал ногами. – Вон отсюда! Ни минуты больше в моем доме! Наглец! Проклинаю и отрекаюсь! Не сын ты мне больше! Вон!

Элай презрительно рассмеялся и, круто развернувшись, хлопнул дверью. Больше его ноги в родном доме и впрямь не было. Наскоро собрав вещи под испуганно-заплаканным взглядом матери, а она так и не решилась поднять голос в его защиту (что, может, и хотела бы), он ушел из дома в тот же вечер.

Первое время жил он у своей вдовой тетки, Эферы Усар, младшей сестры отца, тихой невзрачной особы сорока лет, что всю жизнь проработала гардеробщицей в историческом музее. Но Абон-старший, узнав, где тот обитает, закатил сестре жуткий скандал и потребовал как старший в роду и глава фамилии изгнать отщепенца, что осмелился поднять голос на родного отца. Тетке, не желавшей ссориться, пришлось подчиниться.

Но еще до этого, дня через два после ухода из дома, Элая нашли и вызвали на улицу Желто-Зеленых Партизан, 24, – в Охранный Департамент, в просторечии «охранку». Там очень вежливый молодой человек в штатском, с прилизанными волосами и напомаженными усиками, назвавшийся дознавателем Манхом, весьма вежливо интересовался его взглядами на жизнь и планами на будущее. В конце беседы Манх настоятельно посоветовал впредь ради собственного же блага не ввязываться ни в какие «истории», так как ими на заметку он уже взят и в следующий раз может отделаться не так легко. После чего, взяв с него расписку не покидать города без разрешения Департамента и уведомлять о месте жительства, он отпустил Элая.

Пару недель после этого Элаю даже казалось, что за ним наблюдают, следят. Но, возможно, то была лишь его обычная мнительность, а он порой бывал мнителен до крайности. Вряд ли он мог представлять серьезный интерес для охранки, где прекрасно знали разницу между полупьяной студенческой болтовней и реально опасными действиями. Если уж наблюдение и устанавливали, то, скорее всего, также быстро и сняли, так как в последующие недели и месяцы Элаю было явно не до политики. Кто на него тогда донес, Элай так и не узнал.

После ухода от тетки начались для Элая по-настоящему тяжелые дни, занятые всецело поиском работы, денег, жилья. Некоторое время пожил он у приятелей-сокурсников в общежитии, двухэтажном кирпичном доме неподалеку от Университета, по соседству с резиденцией митрополита Лахошского владыки Ан-Ииса. Жили втроем, в крохотной комнатке, ночуя на полу на матрасе, – до тех пор, пока не проведал комендант общежития, отставной сержант-инвалид Национальной Гвардии. Тот выгнал Элая взашей, чуть не побив при этом костылями, и строго-настрого запретил вахтерам пускать его в здание.

Несколько дней, несмотря на комендантский час, он ночевал буквально на улице, где придется: на чердаках и сеновалах (а на окраинах Лахоша многие еще держали скотину), в сараях и подвалах, – ночи в марте были холодные.

А потом ему, как вначале подумалось, повезло. Через бывшего одноклассника, тот работал кладовщиком на мучном складе заводчика Дираба, удалось устроиться туда ночным сторожем с проживанием в подсобке. Заводчик держал практически все мукомольные предприятия Лахоша, у него Элай и проработал до мая. В мае же пришел новый управляющий и провел первым делом ревизию, и выявилась крупная недостача. После чего, не разбирая правых и виноватых, скорый на расправу Дираб уволил всех кладовщиков, грузчиков, а с ними и Элая. При этом удержал весь заработок, да пригрозил, что сдаст всех в полицию как расхитителей.

И вновь настали для Элая черные дни. Немного поработал на грузовом причале, на другом берегу Фисона, где раньше загружались нефтью баржи для Насара, а теперь везли с перегонного заводика Эбиза бочки с топливом для города. Но после нескольких смен быстро понял, что долго на такой работе не протянет – силенок не хватало. И физических (а был он худощав и не атлет), и, самое главное, душевных: не мог он тупо и монотонно, с утра и до вечера, с понедельника и до субботы, заниматься одним и тем же – катать и грузить, катать и грузить вонючие бочки. С ужасом чувствовал, как дуреет от запахов керосина, бензина, как превращается в бессловесную скотину, ломовую лошадь, имеющую лишь два желания – поспать и пожрать. Не приспособлен он был для тяжелого однообразного труда.

Недели две не мог найти вообще никакой работы – хоть побираться иди. Пробовал устроиться сторожем на Первую блок-станцию, что освещала центр Лахоша, но туда «неблагонадежных» не брали (после разрыва с Насаром и национализации блок-станций, а строились они насарцами, станции стали «объектами стратегического назначения»).

Хорошо хоть мать, потерявшая покой и сон после ухода старшего сына, старалась не терять его из вида. Не раз втайне от мужа присылала она с младшим немного денег из собственных сбережений, и Элай, пусть и с некоторой внутренней неловкостью, принимал их. На них и снял себе летнюю кухню-развалюху во дворе у старухи-зеленщицы Мары, шапочно знакомой ему с прежних времен. Старуха при более близком знакомстве оказалась особой

весьма сварливой, скаредной и склочной. Однако деваться было некуда, – хоть и настали дни теплые, но ночевать на улице больше не хотелось, а на жильё получше денег пока не хватало.

А как-то в июне случайно познакомился Элай на рынке с чернявым тщедушным мужичком, говорливым и плутоватым. Тот торговал горшками, плошками и разными безделушками из глины. Узнав, что требуется тому помощник, Элай пошел работать к нему. Работа у Метиха, а это был именно он, оказалась, в общем-то, не тяжелая, но грязная и пыльная – месить, лепить, обжигать, постоянно возиться в глине, воде. На саму работу Элай не жаловался, хоть и приходилось частенько работать и по выходным. Всё лучше, чем бочки с керосином катать, тем более если хозяин рядом наравне спину гнёт, не боясь рук запачкать. Но одна проблема, конечно, была – платил хозяин, а точнее жена его, Ндана, очень мало. Еле-еле концы с концами сводить удавалось, да и то не всегда: за июль до конца расплатиться не получилось, а на дворе – середина августа.

...Элай толкнул калитку и остановился. Перед ним, на дорожке, видимо давно поджидая, стояла подбоченясь, руки в боки, хозяйка Мара собственной персоной. Недобрый взгляд ее маленьких злобных глаз не предвещал ничего хорошего.

– Ага, явился! – прокаркала старуха хриплым, кашляющим голосом. – Когда платить будешь, а? У меня богадельня, что ли? Нахлебников мне здесь без надобности!

Элай обреченно оглянулся на улицу.

III

День – воскресный, и в полутемных прохладных коридорах Департамента, и в будни-то не отличавшихся многолюдством, было тихо и пустынно. Лишь на первом этаже из дежурки доносился раскатистый смех лейтенанта Нуша, известного балагура и болтуна, слышались приглушенные обрывки фраз. Хен, не заходя к себе, а кабинет его находился тут же, на втором этаже, где располагался сыскной отдел Второго управления («внутриполитическая безопасность»), быстро прошел в приемную.

Секретарша Тива по выходным не появлялась, и он пошел без доклада, благо полковник Эбишай, шеф-комиссар их Департамента, формализма не поощрял. Даже ходил в штатском, что по его должности было, фактически, нарушением протокола. Да и в остальном шеф предпочитал непринужденное, свободное общение, как говорится «без погон», отечески-покровительственное, с претензией на демократичность (насколько это, конечно, вообще возможно между начальником и подчиненными, тем более в такой, весьма специфичной службе как Охранный Департамент).

Хен негромко, но уверенно постучал в дверь.

– Разрешите, господин полковник? – и шагнул на истертый ковер непонятной расцветки. – Я с пристани только что.

Окна были как всегда зашторены, и в кабинете царил полумрак. В углу, у камина, белел гипсовый бюст Маршала.

– А, Хен, сынок! – и полковник Эбишай, как обычно в сером гражданском костюме, приветливо поднялся из-за стола. – Тебя и жду. Садись, рассказывай. Чай, кофе?

Лысоватый, полноватый, но весьма еще бодренький старичок, с очень, казалось, простым и добродушным лицом, он больше смахивал на учителя гимназии в отставке, чем на шефа грозной «охранки».

– Не-е, спасибо большое, господин полковник, – Хен, не глядя, плюхнулся на предложенный стул и придвинул к себе графин. – Если позволите, я воды лучше. Жарковато нынче.

Полковник Эбишай устроился обратно в кожаное крутящееся кресло во главе Т-образного стола и внимательно посмотрел на того.

– Надеюсь, всё нормально прошло?

Хен залпом осушил стакан и, вытерев губы, коротко кивнул.

– Да, всё штатно. «Как здоровье Демократора? – Не хуже, чем у Хранителя». Отозвался как положено, и глазом не моргнул. Держался хорошо, и возмущался натурально, когда его миграционные вопросы своими дурацкими докапывал.

Полковник осклабился.

– Не удивительно. По моим сведениям, он, вообще-то, опытный товарищ. Если это, конечно, он.

– Ну, по описанию вашему вроде совпадает: высокий, брюнет, средних лет, усы, борода козлиная, паспорт амарнский, приглашение универское. И женщина с ним, – Хен чуть ухмыльнулся. – Красивая. Но холодная и колючая. И себе на уме. Тоже твердый орешек. По документам жена, – он откинулся и, вытянув ноги под столом, хитро посмотрел на шефа. – Но, понимаю, это ведь только начало, так?

Полковник добродушно рассмеялся.

– Разве от тебя что скроешь? Ты всегда быстро всё схватывал, Хен, поэтому, наверно, и отличаю среди прочих, – и, уже посерьезнев, задумчиво покрутился в кресле, вертя в пальцах карандаш. – Конечно, вчера я рассказал тебе не всё, и вовсе не из недоверия. Ты же знаешь, в тебя я верю как в самого себя. Просто неизвестно было, прибудет человек или нет, с какими новостями. Да и вообще не решил еще тогда, насколько вводить в курс того, кто будет зани-

маться. Но по зрелому размышлению пришел к выводу: чтобы сотрудник, способный сотрудник, самостоятельный, мог по-настоящему сработать, он должен знать всё по максимуму, должен понимать, что делает, зачем, для чего, представлять последствия, возможный ход событий. В общем, втемную использовать я тебя не буду, – он поднял глаза на Хена и улыбнулся. – Выйди, закрой приемную, чтоб под дверями никто не шастал, и мы продолжим.

Когда Хен вернулся, полковник продолжил:

– Сразу предупреждаю, старший лейтенант Бисар, – и голос его стал жестче, официальной, серые глаза строго блеснули, – дело, которое поведешь, – из категории «ЖЗ». Надеюсь, не надо объяснять, что это значит?

Хен кивнул.

– Да, господин полковник, само собой. И расцениваю как знак доверия.

Объяснять ничего не надо было: «ЖЗ» – высшая категория секретности. И означала, что, кроме шеф-комиссара и непосредственного исполнителя, доступ к такому делу мог иметь только Хранитель Республики. А нарушителя ждал лишь трибунал и даже не расстрел, а виселица как государственного преступника. Расшифровывалась же просто: «желто-зеленая», национальные цвета Лахоша, – в Департаменте использовали цветовую классификацию режимов секретности. Чего-то подобного Хен, вообще-то, ожидал – чутье его подводило редко, – хотя раньше ему «желто-зелеными» делами заниматься не приходилось, максимум – «желто-красными» или «желто-синими».

– Еще бы ты не расценивал, – проворчал полковник, но взгляд его смягчился. – Естественно, отчитываешься, докладываешь о ходе дела только мне. Все рапорта, докладные – в одном экземпляре, передаешь мне лично, из рук в руки, никаких копий. Черновики, записки уничтожать сразу. Все материалы будут находиться у меня, дело сформирую сам же. Ясно, да? Всё через меня, докладывать только лично! Филерам, с которыми будешь работать, даешь только минимально необходимое, – чтоб только знали, кого «пасти», и ничего более! А замов всех моих, начальников можешь смело посылать ко всем чертям собачьим, если будут нос совать, – я разрешаю.

– А если Маршал сам затребует? – Хену как-то приходилось делать доклад самому Хранителю Республики, когда возглавлял поиск анархистов, что разбросали в один прекрасный день по всему Лахошу листовки с карикатурами на главу государства. – Ему ведь можно?

Полковник неожиданно смешался.

– Э-э, вообще-то, да, конечно, Маршал к ЖЗ-делам доступ имеет, но... – он запнулся, – но я его в известность пока не ставил. Не хочу прежде времени беспокоить, хотя дело само, конечно, его более чем непосредственно касается. Но на то ведь мы и созданы, чтобы наш Маршал мог спокойно спать. Так что отчитываться пока только передо мной, а когда сообщить об этом Хранителю, я сам решу.

Хен ничего не сказал, но про себя внезапное замешательство шефа отметил. Ползли слухи, что Маршал их начальником в последнее время недоволен. Поговаривали о грядущей опале, об очередной «большой чистке» в Департаменте. Последняя из которых, кстати, и привела тогда еще подполковника Эбишая, начальника Первого управления охраны («внешняя разведка»), в шеф-комиссарское кресло, а его предшественника, полковника Ицура, – на виселицу как «агента антилахошских сил и оружского шпиона» (в тот момент, до переворота в Насаре, врагом Лахоша номер один в Приречье значился ныне дружественный Орук).

А полковник продолжил:

– Теперь о деле. Месяца два назад в Насаре, еще до разрыва отношений, вышел на нашего человека, а наш под «крышей» посольства работал, тип один. Ну, скрывать не буду, это твой сегодняшний знакомец. Кстати, клички оперативные уже придумал?

– Само собой, первым делом: он – «Пижон», она – «Оса».

– Пижон? Хорошо, пусть будет Пижон. Так вот, вышел этот Пижон на нас, отрекомендовался эрдеком со стажем. Причем стажем специфическим: раньше занимался там, в Насаре, организацией, как они это называют, «акций возмездия». Проще говоря, стреляли и взрывали «врагов демократии и прав человека», конечно, как они это понимают, ты же знаешь их взгляды. Естественно, справки о нем навели: да, действительно, есть такой деятель в РДП, причем достаточно известный в узких кругах. Был, по слухам, организатором убийства генерала Питу – это тот, что лейб-гвардией княжеской командовал, – и взрыва ее штаба. То есть руку к перевороту сентябрьскому, или, как они ее называют, революции, тоже приложил. Но роли его всегда были закулисными. Таких товарищей в первые ряды, в публичные деятели никто не пустит, чтобы репутацию партии не портить. Да, авторитетом как мастер подпольных методов он пользовался. Хотя, конечно, выше любительского уровня, пусть и квалифицированно-любительского, он никогда не поднимался, до профессионализма ему, думаю, далеко. Ну да ладно, не суть важно. Самое удивительное, что этот эрдек, вроде бы такой весь идейный, предложил свои услуги: помочь предотвратить акцию, которую ему же и поручили, – покушение на нашего Маршала. Да-да, на Хранителя.

Хен присвистнул.

– А зачем ему это надо? С чего это он вдруг к нам решил переметнуться?

Полковник пожал плечами.

– Объяснял просто: после сентября понял, что партии нужна была только власть, а на «демократию и права» им начхать. Разочаровался и в идеях, и в партии, не находит места в новой жизни, перспективы утерять, мол, затирают молодые да ранние, а его, старого эрдека, побоку. Да и материальное положение хотел бы поправить, то бишь деньги нужны. Но, сам понимаешь, это и было, наверно, главным – жить-то хорошо всем хочется. А про «разочарования» – это он пусть барышням в салонах лапшу вешает.

Хен недоверчиво pokrutil головой.

– Не знаю, подозрительно всё это. Может, это просто РДП к нам человека своего внедряет? Сами же говорите, пусть и любитель он, но квалифицированный, такие комбинации, наверно, ему не в новинку.

– Вот для этого-то ты мне и нужен, но слушай дальше. Сообщил он и подробности: в конце ноября на ЦК их решили, что для укрепления безопасности Насара нужна «всеобщая демократизация Приречья». Мол, в окружении деспотий единственно истинная демократия не может чувствовать себя спокойно. И «демократизировать» решено всеми возможными способами, вплоть до «полной дестабилизации» и «экспорта революции». И первая цель – мы. Мол, самый деспотичный режим Приречья. Хотя сам понимаешь истинную подоплеку: наша хайварская нефть. Когда после переворота с казной пустой остались и переговоры с нами начали, чтоб цену концессии сбить, про «деспота Бнишу» они и не заикались. А стоило отказать – тут и про «демократию» вспомнили. Ну да ладно, оставим на их совести. Способ по нам тоже определили: посчитали, что система наша держится лишь на авторитете и заслугах Маршала. И проще всего ударить сюда: уберите Маршала и режим наш рухнет – логика такая. Как убрать? Репертуар классический: взрыв в момент проезда, публичного выхода, выступления. Ему, Пижону, и поручили. По плану их он приглашение должен организовать и вместе с помощницей, да-да, с Осой, но, естественно, она не в курсе, что он в контакте с нами, прибыть в Лахош под видом супругов, граждан Амарны, и легально осесть. Затем, оглядевшись, начать потихоньку, не спеша, но поспешая, сколачивать группу для акции. Дату покушения, по его словам, определяют в Насаре. Тогда пришлют телеграмму кодовую «Дяде плохо выезжай». Ну, не напрямую, конечно, из Насара, а через Амарну, – агентурные сети у эрдеков раскинуты, сам знаешь, широко. Хотят координировать лахошскую группу с другими, а в Орук, Рисен, Бофир – тоже засылают. В общем, Судный день хотят для всего Приречья устроить, чтобы одновременно, и никто никому помочь не успел и в дела соседские не полез. Покушение же

само – через неделю после телеграммы. Тогда и взрывчатку готовят, а ее Оса, она – химик по специальности, должна сделать, собираются лабораторию университетскую задействовать. Потом инструктируют еще раз напоследок группу и быстро-быстро, за день-два до акции, уезжают, чтоб Насар в случае чего не подставить. А так, удержи мы только исполнителей, попробуй докажи, что здесь замешаны эрдеки насарские. Так вот, Пижон нам прямо и предложил сдать всю будущую группу, но только после того, как покинет Лахош, чтобы на него подозрений не пало. А так всё будет выглядеть как случайный провал уже после его отъезда, мало ли что неопытные товарищи напортачили в его отсутствие. Выгоды от такого плана, чтоб брать группу именно после отъезда, перед самой акцией, по его словам, имеются немалые, и я в принципе с ним согласен. Прежде всего, выявим самых опасных в Лахоше. Ведь кто согласится участвовать и пойдет до конца – наш «контингент», а тут мы их всех, как говорится, одним махом и накроем. Дальше, получим агента в самой РДП, почему и надо обеспечить, чтобы Пижон как слеза божья был чист перед партией. Поэтому обдумал я всё, взвесил и решил принять предложение. С агентурой в Насаре у нас сейчас туго совсем, без посольства работать сложно, а тут внедряемся в самое сердце, в мозг партии! Да и что, в конце концов, мы теряем? Даже если замыслил он что-то, игру какую-нибудь двойную ведет, в худшем случае узнаем просто его настоящие планы. Акцию им мы по-любому совершить не дадим, ты не подумай ничего, жизнью нашего дорогого Маршала рисковать никто не собирается. А работать в Лахоше, с нами ли, против ли нас, он будет только под нашим контролем. Думаю, понял, в чем твоя задача?

Хен усмехнулся.

– Контролировать и прикрывать?

– Приятно когда тебя понимают с полуслова. Да, Хен, всё правильно: контролировать и прикрывать. И в первую очередь от твоих же коллег-сыскарей, хоть наших, хоть полицейских, потому, как помнишь, это – «ЖЗ». А «сигналы» здесь по-любому пойдут, у нас ведь люди, к счастью ли, к несчастью ли, любопытны и законопослушны, ну, в основной массе конечно. Обязательно кто-нибудь «накапает», что и личности подозрительные к ним шляются, и по ночам свет горит, или химией какой-нибудь воняет, это как пить дать будет. Но ты, надеюсь, сумеешь все «сигналы» такие отследить и «погасить», вежливо и деликатно, – ясно, да? Но самое главное всё-таки контроль и поддерживать связь. Сам понимаешь, схему работы мы с Пижоном согласовывали, когда тот в Насаре был. Через третьи руки общаться приходилось, я про коллегу нашего, что в посольстве работал, пока не провалился, Царствие ему Небесное, не все моменты поэтому успели оговорить. Но в общем и целом определились так: он прибывает, его встречает наш человек со «здоровьем Демократора», и если ничего у него не изменилось и согласен с нами работать, то отзывается «здоровьем Хранителя». И вся дальнейшая связь – через встречавшего, то бишь тебя. Твоя задача здесь – регулярно выходить на него, узнавать, в чем нуждается, какие проблемы, что беспокоит, и сообразно решать эти проблемы. Но главное, он должен «сливать» тебе всё о ходе подготовки: кого вербанули, кто отказался, план действий, что со взрывчаткой, и, конечно, телеграмма из Амарны в первую очередь. После каждого контакта – повторяю, после каждого! – докладываешь мне. И, естественно, отслеживаешь и проверяешь все его сведения: было – не было, врет – не врет. На почте все телеграммы амарнские просматривай, да и вообще всю корреспонденцию его, входящую, исходящую. И о малейшем – повторяю, малейшем! – факте, что Пижон чего-то недоговаривает, темнит, что-то скрывает, сообщать немедленно! «Наружку» надо, конечно, поставить. Филеров, как сказал, я тебе дам, целую бригаду – Куллума, Нташа, Михута. Будут работать только с тобой и на тебя, ты вроде с ними уже работал по анархистам. В курс дела, естественно, их не вводишь: объекты показал, – фото же у миграционного взял? – задание дал, пусть бегают, а кто, что да зачем, это их касаться не должно. И языки пусть за зубами держат, ты с ними там построже, за дело ты отвечаешь.

– А может, тогда лучше вам самим «накачку» им сделать? Я-то для них всего лишь сыскарь, не начальник.

– Не надо, а то внимание слишком привлекается. Дальше: на первый контакт попробуй завтра выйти, выпеди его где-нибудь незаметно в Университете, он там завтра, точно, появится. По поводу «тридцати сребреников»: по сумме мы договорились, передадим всё наличными в день отъезда, когда дата акции будет названа. Но если вдруг какие-то затруднения финансовые у него начнутся, пусть скажет, аванс в счет «гонорара» я ему из спецфондов выделю. Вот вроде и всё, что хотел сказать. Вопросы? Спрашивай сразу, если что непонятно.

Хен ухмыльнулся.

– Он в самом деле доктор философии?

– По моим сведениям, да. Когда-то науками по молодости занимался. А что?

– Да нет, просто подумал, как он лекции по космологии собирается читать, боялся засыпется.

Полковник добродушно рассмеялся.

– Эх, Хен, учитывая состояние нашей космологии, такие лекции может читать кто угодно и о чем угодно, без риска, как ты выражаешься, засыпаться. Если профессора сами до сих пор не могут определиться, круглая Земля или только кажется круглой, что уж тут про лекции студенческие говорить.

– А с делами моими остальными как?

– Более-менее готовые – передавай в следствие, пусть начинают, а остальные – мне принеси, я распишу кому надо. Работай только по Пижону с Осой, не отвлекайся, ясно, да?

Хен кивнул, но непонятная озабоченность на лице его не укрылась от внимательного взгляда начальника.

– Хен, сынок, тебя что-то беспокоит? Скажи сразу.

Хен смущенно почесал бритый затылок.

– Знаете, господин полковник, вспомнил сейчас вот дело свое о «Братьях Судного Дня». Ну, о сектантах этих, когда аптекарь Суф наслушался бредней ихних и пошел собор поджигать, а отец Ар-Каад его задержал, помните? Так вот, я ведь когда начал делом этим заниматься, вышел на «пророка» их главного, некоего Хашана, сорок семь лет, бессемейного, когда-то сапожника, сейчас без определенного рода занятий и места жительства. Не в городе живет, в Бахеме у рыбаков ошивается, сюда только по пятницам приходит, когда у «братьев» собрание главное, пятничное. И вспомнил я сейчас вот что. Когда я в оборот его взял, ну, в Бахеме всё было, хотел, чтоб он активность свою подстрекательскую поумерил, он мне тогда, это в четверг прошлый было, заявил, что... – Хен запнулся и слегка даже покраснел. – Бред, конечно, но если не дословно, показания я записал, в деле они есть, можете сами почитать, что «времена близятся». Что уже через десять дней и ночей, я точно помню, что через десять, «придут с заката и войдут в Лахош, город проклятый, двое Ангелов, он и она, Ангелы смерти, Вестники Грядущего. И не пить нам с того дня ни вина, ни хлеба не есть, и принесут они не мир, но меч и огонь небесный, и поразят Лахош в голову». Ну, и дальше снова бред их обычный, про Судный День, Катастрофу новую, конец света и всё такое.

Но полковник, к величайшему облегчению Хена, не рассмеялся, не обозвал «болваном». Он удивленно вздернул брови и, повертев карандаш, нахмурился.

– Странно... – и покрутился в кресле. – Ты прав, выглядит бредом, но... «поразят в голову»? Десять дней, говоришь? То есть сегодня именно. Двое с заката... Странно...

К западу от Лахоша был Насар, лежавший на другом рукаве Фисона. Полковник погрыз карандаш.

– Что он за тип этот Хашан?

Хен замялся.

– Да как вам сказать, на первый взгляд, послушаешь – типичный псих, такой бред порой несет, глаза, взгляд странный. Но, с другой стороны, когда не проповедует, рассуждает вроде здраво и ясно. Если честно, не пойму я его, странный субъект.

– А контакты, связи проверял? Он, вообще, лахошец? А то, может, еще один насарский «гостинец», с них ведь станется «дестабилизировать» соседей и таким способом.

Хен помотал головой.

– Не-е, думаю, исключено. Его я, само собой, проверял, с Насаром он, по-моему, никак не связан: родом с Ифама, братья его там до сих пор бахчи держат. Потом в город перебрался, на Мешочной сапожничал, соседи бывшие хорошо помнят. За пределы Республики не выезжал никогда, здесь всю жизнь жил. Политикой не интересуется, всегда на религии помешан был.

– А секту свою когда создал?

Тут Хен запнулся.

– Вообще-то, в декабре прошлого, перед Рождеством.

– А, видишь, уже после решения ЦК их! А говоришь, никакой связи, – полковник бросил карандаш на стол. – Вот что, Хен, привези-ка мне завтра этого Хашана. Ради такого дела и машину выделю.

– А что, бензин завезли? Мы же вроде лимит за август выбрали весь.

– Для «пророка» твоего найду, из стратегических запасов. Хочу взглянуть, чуёт мое сердце, что не простой это мужичок. Не удивлюсь, если и здесь «уши» насарские вылезут. Что он там, кстати, еще нес?

Хен скептически осклабился.

– Остальное – бред чистой воды: и небеса у него разверзнутся, и снег оттуда желтый падет, да, почему-то именно желтый. И будет идти сорок дней и ночей, пока не засыплет всю землю нашу грешную до основания, а затем...

– Мы наш, мы новый мир построим, – подхватил полковник и расхохотался, – где отрется слеза всякая с очей наших, и прочая, прочая, прочая! В общем, старые песни. А снег желтый я каждую зиму вижу, когда на него во дворе мочусь.

Хохотнул и Хен.

– Еще Дева у них снова непорочно зачнет.

– Ого, опять богородица? У них же вроде была какая-то? Это, по-моему, про них же Нуш заливал, что у них и любовь свальная, и оргии всякие.

Хен отмахнулся.

– Для Нуша соврать – как два пальца! Что он про них знает-то, кроме анекдотов ходячих? – и чуть поморщился. – Языком трепет как помелом! Нет у них ничего такого: радеют, псалмы поют, а оргий никогда не было. Да и осуждает Хашан излишества всякие. А что до «богородицы», да, выбирают они самую молодую и непорочную «Божьей Девой», как они это называют. Ну, типа как земное воплощение Девы Небесной, но это у них чисто ритуальный титул, реально ее никто как Божью Матерь не почитает.

Они поговорили, немного поспорили, что вообще с такими сектами делать, а потом Хен засобирался.

– Ладно, я пойду, господин полковник? Задание я понял, больше не нужен?

Полковник ласково закивал.

– Да, конечно, Хен, иди, отдыхай. Завтра только с утра пораньше привези мне Хашана этого, машину в дежурке возьми и езжай, я распорядюсь, чтоб дали. А потом начинай с Пижоном работать. Дело, как сам видишь, серьезное, акция готовится реально. Это тебе не липовый заговор «космополитов», что наша доблестная полиция в прошлом месяце «раскрыла». До такого мы, надеюсь, никогда не опустимся, мы же всё-таки профессионалы. И еще, Хен, – он сделал паузу и многозначительно посмотрел на него, – если это дело с Пижоном провернем

как надо, мы хорошо поднимемся. Слышишь? Мы очень хорошо поднимемся, это я тебе обещаю, только сделай всё хорошо.

– Да, само собой, я понял. Всё будет сделано, не беспокойтесь.

Хотя, если честно, ни черта Хен не понял, о чем тот, – куда поднимутся, зачем? Да и некуда шеф-комиссару Охранного Департамента, «первому среди равных» Департаментов, подниматься – выше только Хранитель Республики.

...Когда Хен вышел на улицу, на Лахош уже опускались короткие летние сумерки, – почти ночная синь сгустилась за рекой и первые звезды готовились прорезаться сквозь ее ткань, но на западе еще догорали сполохи заката. Дневная духота спала, воздух посвежел, и дышалось легко и привольно.

Хен быстро и размашисто шагал домой, а жил он неподалеку, в начале той же улицы, засаженной тополями, – Желто-Зеленых Партизан, 5, в трехэтажных панельных новостройках. Дома, конечно, были не ахти – серые, безликие, но зато с удобствами и электричеством – блок-станцию закладывали вместе с кварталом.

Жил он с младшей сестрой Келой в большой, по лахошским меркам, трехкомнатной квартире, что досталась по наследству от отца, капитана Национальной Гвардии Ги́ла Бисара (хоть и разошелся он с их матерью и жил отдельно, но другими наследниками так и не обзавелся). Отец погиб лет пять назад в приграничной стычке с оружскими контрабандистами. Матери же они лишились еще раньше, в тот черный холерный год, когда мор прокатился по всему Приречью. Кела тогда переходила во второй класс, а Хен заканчивал юрфак Университета, – между ними была не малая, почти в тринадцать лет, разница.

В полутемном обшарпанном подъезде воняло куревом, пивом, мочой, – дверь подъездная не запиралась и все «веселые» компании околотка, начиная с самых юных, регулярно устраивали здесь посиделки, особенно в холодное время года. Хен, сам не курящий и почти не пьющий, не раз предупреждал ошивавшихся возле дома «гостей», что кого поймает с бутылкой, сигаретами или за непотребным занятием, устроит тому «посиделки» совсем в другом месте. Чище однако в подъезде не становилось, но и жаловаться квартальному, младшему чину полиции, ему, сотруднику вроде бы всеильной охраны, было стыдно.

Отперев дверь и войдя в маленькую прихожую, Хен с облегчением скинул потные ботинки и прошлепал в ванную – «смыть с лица заботы дня», как любил когда-то выражаться отец. В спальне Келы горел свет.

– Кел! – громко позвал он сестру и, стянув через голову рубашку, с наслаждением подставил шею под струю воды. – Ке-е-ла! А ты чего не выйдешь брату «привет» сказать, а, Кела-Акапелла? Где, вообще, пропадаешь с пятницы? Репетируете, что ли, опять?

По пятницам у Келы был драмкружок при Молодежной театральной студии. Туда девушка собиралась поступать осенью, и там порой пропадала сутками, особенно когда готовили какую-нибудь премьеру.

– Привет, – в дверях, зевая и потягиваясь, появилась худенькая девушка, почти еще подросток, с короткой стрижкой, «под мальчика», и слегка заспаным взглядом. – Извини, просто задремала. Даже сон видела.

– И о чем нынешняя молодежь сны видит, если не секрет? – весело фыркая и отплевываясь от воды, Хен не глядел на сестру. – О кренделях небесных?

Кела пожала плечами.

– Да нет, просто мама приснилась. И отец. Ну, будто вместе все.

– Отец? – Хен закрыл кран и, взяв полотенце, принялся энергично растираться. – Чего это вдруг тебя?

– Да как тебе сказать, – девушка чуть запнулась, а затем подняла взгляд и с обезоруживающей простотой, ясно и спокойно улыбнулась. – Просто я беременна, понимаешь?

Полотенце в руках Хена замерло, – стало слышно, как журчит в трубах.

IV

Эмердис припоздал и зашел за ними, а точнее, забежал уже в половине десятого, когда г-н Арпак, как обычно прифранченный, начал было расхаживать по гостиной из угла в угол. Расхаживал, посматривая на настенные часы с кукушкой, рассеянно помахивая тросточкой.

– Я жутко извиняюсь! Но столько дел, столько дел! – запыхавшийся Эмердис охал, ахал, всплескивал руками, то снимая, то надевая панаму, вытирая катившийся с лица пот. – И наших надо было оббежать, предупредить, и к декану отчитаться, что прибыли, разместить, и к ужину заказать. Уйма дел!

Он всё тараторил без умолку, непрерывно жестикулируя, через слово снова «жутко извиняюсь». А Миса, что заканчивала перед зеркалом туалет, незаметно бросила на «мужа» выразительный взгляд: видишь, он на ужин-то вовремя придти не может! А затем, поправив кружевной воротничок, весьма холодно прервала словесный поток:

– Мы готовы, господин Эмердис. Кажется, нам пора. Если мы, конечно, еще собираемся куда-нибудь.

Она тряхнула головой и, надев шляпку, решительно двинулась из гостиной. И прошуршала мимо муслиновыми оборками, оставляя за собой тонкий, едва уловимый аромат парфюма. Г-ну Арпаку, сразу натянувшему перчатки, и Эмердису, нахлобучившему панаму, не оставалось ничего другого, как только последовать за ней.

...Шли они, разумеется, пешком – конного извоза в городе не было (только меж селеньями Республики). И всю дорогу Миса держала себя с Эмердисом подчеркнуто холодно и чопорно. Но тот словно не замечал этого – или не хотел замечать? И как ни в чем не бывало услужливо семенил вокруг, забегая то справа, то слева, успевая всё объяснять, рассказывать, показывать, словно заправский гид.

– А это наш исторический центр, площадь Революции, – с некоторой гордостью пояснил он, когда вышли на широкую и пустую, мощенную бульжником площадь. Площадь окаймляли редкая цепочка фонарей и ряды низкорослых елочек и сосенок, непонятно как выживающих в сухом и жарком климате Приречья. – Здесь раньше, в княжеские времена, крепость-тюрьма была для государственных преступников, гиблое место. Пока во время Революции штурмом не взяли и не разнесли до кирпичика. Вообще, Революция и началась-то со штурма этого, устали люди к тому времени от войны с Эльхамом. Здесь так называемые дезертиры сидели, в основном мальчишки восемнадцатилетние, самые страшные преступники для любого режима во время войны. А родители их отчаялись ждать милости княжеской и пошли чад своих отбивать. Сейчас здесь у нас теперь площадь главная, и вся власть наша, – он заговорщически понизил голос и кивнул в направлении, не желая, видимо, показывать пальцем. – Вон там, прямо перед нами, сразу за елками, видите? Это Белый Дворец, резиденция Маршала, – самое высокое у нас здание, потому что правило первое при любой застройке: не выше карниза Белого Дворца.

За елочками и ажурной металлической оградой, в желтоватом свете фонарей возвышался помпезно-торжественной громадой трехэтажный особняк. На высоком цоколе, с фасада он был облицован белым мрамором. И такие же белые, классического типа колонны подпирали портик над входом. Огромные цветные окна-витражи и широкая лестница с желто-зеленой ковровой дорожкой несколько разнообразили его цветовую гамму. Перед Дворцом стелился аккуратно стриженный газон и ухоженные цветочные клумбы. Вдоль обеих сторон ограды размеренно фланировали гвардейские патрули. Строилось всё с очевидной претензией на роскошь и изысканность былых эпох. Но на г-на Арпака Дворец впечатления не произвел, – он лишь скользнул рассеянным взглядом по фасаду, не задержав взора. Миса же оглядела резиденцию лахошского правителя более внимательно.

– А слева, да, вот это трехэтажное, – это у нас Директория, Совет шеф-комиссаров, наше Правительство, – тем же заговорщическим тоном продолжил Эмердис экскурсию, украдкой показывая на уныло серое массивное здание с западного края площади. – Туда руководители всех Департаментов по должности входят, главой, разумеется, сам Маршал. Справа – это Национальный Конвент, наш так называемый парламент. Хотя, конечно, всё это профанация сплошная и показуха, никакой законодательной властью Конвент реально не обладает, все законы у нас давно пишутся в Белом Дворце. А сзади – это Республиканский Суд, высшая наша судебная инстанция, разумеется такая же послушная. Но идемте, не стоит здесь задерживаться, внимание привлекать. Университет наш, кстати, в другую сторону отсюда – в сторону Собора, за парком и казармами, но тоже недалеко.

...За площадью, через прилегающий квартал ярко освещенных бульваров, вновь потянулись тихие немощные улочки. И те же керосиновые фонари на углах (электричества хватало только на центр, госучреждения и новостройки), и полоски травы вдоль дощатых заборов. Солнце село, в высоком, быстро потемневшем небе проступили первые звезды. Фонарщики с лесенками на плечах уже катили тележки по привычным маршрутам, а бабушки-старушки со скамеек, как и детвора с улиц, потихоньку разбредались по домам. Во дворах гремели самовары, ведра с дымящими углями, что ставили отгонять комаров, в окнах зажигали свечи. Как и во всех, наверно, южных городках, летом Лахош ложился поздно и оживал как раз с наступлением темноты, когда наконец-то спадал дневной зной и можно было вздохнуть полной грудью. Солнце село, и люди готовились к вечернему чаепитию, ритуалу, появившемуся, наверно, вместе с Лахошем, когда за одним большим столом собиралась вся семья, а многие жили еще по старинке, в три поколения, со стариками и детьми. И за чашкой дешевого, но крепкого чая с дымком и вареным сахаром вприкуску делились новостями и сплетнями, обсуждали день прошедший и строили планы на грядущий. А затем, кряхтя и зевая, уставшие и умиротворенные, привычно крестились на картонную иконку с Божьей Матерью в углу горницы и отправлялись спать.

...Профессор Ирум, вот уже три года живший вдовцом, вышел лично встречать гостей на крыльцо (это был такой же купеческий особняк, что и на Сапожной, 17). После короткой, но торжественной церемонии знакомства все проследовали в дом. В большой, хорошо освещенной зале с плотно зашторенными окнами и натертыми паркетными полами их ждал празднично сервированный круглый стол. Там г-ну Арпаку и Мисе со всей учтивостью представили других гостей, человек шесть в общей сложности.

– Позвольте, уважаемые гости, представить единственное в рядах нашей Ассоциации духовное лицо, – и профессор Ирум почтительно подвел самого настоящего великана в темной поношенной рясе. – Отец Ар-Каад. Прошу любить да жаловать.

Отец Ар-Каад, огромного роста, неохватной ширины и мощи как в плечах, так и в поясе, с руками кузнеца-молотобойца, горой возвышался над ними, хотя ни г-н Арпак, ни профессор Ирум на рост тоже пожаловаться не могли. И как-то по-детски, неловко и неуклюже улыбался, словно извиняясь за размеры, смущаясь, что занимает столько места. Но улыбался он хорошо, и Мисе понравился сразу. Хотя встретить здесь (где вроде бы сочувствовали эрдекам) представителя духовенства, традиционно лояльного к власти, она не ожидала.

– Очень приятно, – пророкотал он низким грудным голосом. – Патиф, ну, господин Эмердис, про вас много рассказывал.

Это Мисе уже не понравилось, – она чуть напряглась.

– Вот как? И что же он успел рассказать?

Отец Ар-Каад широко и радостно улыбнулся.

– Только самое хорошее.

Но продолжить заинтересовавшую тему Мисе не дали – стали представлять остальных. Двое были с Университета: Фетах, длинный, худющий, сильно сутулящийся доцент с хим-

фака, и Эмеш, очень серьезный молодой человек в роговых очках, работавший, как выяснилось, помощником ректора. Также были инспектор Департамента Финансов Стиг, шумный и бойкий, острый на язык субъект, из тех, что за словом в карман не лезут, сухопарая рыжая девица по имени Бия, разбитная и развязная, оказавшаяся местной эмансипе, и совершенно невзрачный тщедушный тип в серой косоворотке, имени которого ни г-н Арпак, ни Миса так и не запомнили.

– Что ж, теперь, пожалуй, пора и перекусить, – и профессор Ирум, закончив протокольную часть, широким величавым жестом пригласил к столу. – Милости просим!

Стол выглядел замечательно: белая, тщательно отутюженная и накрахмаленная скатерть, пара изящных канделябров, до блеска начищенное столовое серебро, дорогой хрусталь и полдюжины бутылок хорошего сухого орукского вина приятно радовали глаз. И радовало разнообразие и количество выставленных блюд, – те, может, и не отличались изысканностью и звучностью названий, но, безусловно, способны были заинтересовать и самый избалованный желудок.

Расселись без особого порядка, кто куда хотел, да и форма стола располагала к более свободному размещению. В итоге Миса оказалась между хозяином дома – тот сразу же принялся со старомодной галантностью ухаживать за гостьей – и отцом Ар-Каадом. Г-н же Арпак очутился в обществе фининспектора Стига и Эмердиса. Когда разлили вино, первый тост подняли за знакомство и гостей.

– И как вам Лахош? – сразу же насел на соседа Стиг, лишь успев вытереть губы. – Как первые впечатления?

Г-н Арпак дипломатично прокашлялся.

– Ну, я еще мало что видел, так что оценивать пока нечего, – и спохватился. – Хотя вот комендантский час удивил, даже не знал. Тем более такой странный: с двух до четырех.

– Ничего странного, – отмахнулся Стиг, – обычный наш кретинизм. Указ о комендантском приняли, но никто его, по сути, не заметил. Поэтому не соблюдают. Правда, и не нарушают, – его просто как бы нет. Очередной наш бессмысленный и неработающий закон.

– Не скажите! – вмешался профессор Ирум и неторопливо отложил вилку в сторону. – Всё не так просто, как кажется. Я уверен, что здесь тщательно и глубоко продуманный замысел. Вот вы, господин Стиг, какая ваша первая мысль была на указ?

– Кретинизм! – со смехом повторил Стиг понравившееся слово. – Я сразу же сказал, что такой комендантский – это курам на смех!

– Вот в том-то всё и дело! – торжествуя поднял палец профессор. – И никто не принял его всерьез, как нарушение наших прав и свобод. Смешно ведь протестовать против запрета выходить на улицу в час, когда спят все и никто на улицу выходить и так не собирается. И что имеем? А то, что никто не возмущается, люди привыкают, а это, уверен, властям и надо. Это ведь только начало, да, только начало, помяните мое слово! Ближе к выборам, уверен, комендантский увеличат, разумеется «по многочисленным просьбам народа», например с часа до пяти. Но люди уже привыкли, проглотят и это, ведь и в эти часы мало кто шастает по улицам. А когда привыкнут и к такому, комендантский будет начинаться с полуночи, или с десяти, но протестовать будет поздно. Обыватели, конечно, поворчат-поворчат, но примут, в конце концов, как данность, а нам, интеллигенции, будет мешать наша проклятая логичность: если мы не возражали против комендантского с самого начала, чего сейчас-то шуметь? Разве с точки зрения исконных прав и свобод человека двухчасовой комендантский не такое же ущемление, как и восьмичасовой? Помучаемся-помучаемся, сожжем кулаки в кармане и... промолчим как всегда, так ведь?

Миса с любопытством посмотрела на профессора, а Стиг подытожил речь в своем стиле:

– В общем, к любовницам будем бегать днем. В обед. И вместо обеда. Как говорится, комендантская диета.

Бия, что сидела с другой стороны, оглушительно расхохоталась и захлопала в ладоши.

– Bravo, Стиг! Не похудей только на такой «диете»!

Засмеялись и другие.

– Да, Стиг порой как скажет, так скажет, – довольно потирал руки хихикающий Эмердис. – Диета! – и обратился к г-ну Арпаку. – Вы, кстати, знаете, какое он недавно Хранителю Республики сокращение придумал? Да не при дамах будет сказано, – и он покосился на Мису, – заранее извиняюсь, но это – ХеР! Да, да, Хранитель Республики, – ХеР!

Г-н Арпак осклабился, Миса фыркнула, а Бия вновь захохотала.

– Стиг, ты прелесть! – и по-мужски похлопала того по плечу. – С тобой не соскучишься, паря!

«Паря», хоть и польщенный, не подавал вида и лишь насмешливо-глубокомысленно хмыкал.

После второго тоста «за свободный и демократический Лахош», а слово давали Эмердису, разговор вновь вернулся к темам политическим. А именно: придет ли к избирательным урнам на декабрьских выборах Хранителя Республики хоть один человек? Сама постановка такого вопроса, может несколько странно звучащего для нелахошца, была вызвана своеобразием избирательной системы Республики.

Первый этап выборов предполагался безальтернативным, в ходе которого определялось только, доверяют ли граждане действующему главе государства? И если да, то первый этап оказывался и последним: действующий Хранитель считался переизбранным на следующий семилетний срок. А им бессменно, начиная с первых выборов, был Маршал Бнишу (тридцать пять лет назад того действительно избрали на этот пост, что учредили почти сразу после триумфальной победы партизан над интервентами). Для вотума же доверия необходимо более половины голосов. Причем голосовавшими «за» считались как пришедшие на выборы и вписавшие в бюллетени «да», так и не пришедшие вообще, – предполагалось, что последние довольны существующим режимом по умолчанию.

В конечном итоге привело это к тому, что на избирательный участок имело смысл идти, только если собираешься голосовать «против». А это по мере укрепления власти Маршала становилось всё более рискованным и чреватым последствиями. На последних выборах, например, таковых не нашлось вообще, участки пустовали, что дало право «Вестнику Республики», правительственной газете, торжественно объявить о единогласном переизбрании Маршала Бнишу на очередной срок.

Переизбираться же Хранитель мог вначале не более двух, потом – пяти, а затем и вовсе – не более восьми раз подряд. Этого при семилетнем сроке полномочий на чей бы то ни было политический век хватало с лихвой.

Необходимость во втором этапе возникала лишь в случае отказа в доверии действующему правителю, и там, конечно, подразумевалось выдвижение альтернативных кандидатур и реальное голосование, но до него за всю недолгую историю Республики дело ни разу так и не дошло.

Тема была острой, животрепещущей и, как поняли г-н Арпак с Мисой по поднявшемуся шуму, не раз обсуждалась. Стиг всё горячился, брызгал слюной, грозился придти двадцать первого декабря, в день выборов, на избирательный участок один. Бия решительно и громогласно выражала этому полнейшее одобрение, не поясняя, однако, а придет ли туда сама? Университетские – профессор Ирум, Фетах и особенно помощник ректора Эмеш – также решительно возражали, что это бессмысленная акция, фанфаронство и донкихотство. Что повлечет лишь ненужные жертвы, всё равно помешать переизбранию Маршала в очередной, шестой, раз они пока не в силах. Поэтому надо «направить все усилия на постепенное распространение среди народа идеалов подлинной демократии и прав человека, и только когда почувствуем, что народ готов, то тогда лишь надо выходить и выводить людей на выборы».

– Да он никогда не будет готов ваш этот народ! – уже кричал разошедшийся Стиг. – Что ему ваши идеалы?! Пока в магазинах будет дешевая колбаса и водка по три шестьдесят два

на улицы их не вывести! Это же ясно как дважды два! Ни одна революция не начиналась из-за чьих-то там идеалов! Народ свергал князей, когда ему переставало чего-нибудь хватать – хлеба, соли, зрелищ или безопасности!

– А что, если выйдем двадцать первого, ему сразу чего-то станет не хватать? – рассудительно и спокойно, не теряя хладнокровия, возразил профессор Ирум. – Или из-за этого сразу исчезнет колбаса и народ пойдет штурмовать Белый Дворец? Боюсь, единственным чего ему не будет хватать после такой нашей акции, так это наших голов, но это, пожалуй, народ переживет.

– Вот именно! – поддакнул Эмеш и, поправив очки на переносице, победно взглянул на фининспектора. – Что изменится?

– К черту народ! – в запале Стиг чуть не смахнул со стола фужер. – Важно лишь заявить протест, обозначить свою позицию, показать, что не все в «единодушном восторге» от нашего «незабвенного» Маршала! Да если уж и говорить о распространении идеалов, то один такой наглядный пример принесет больше пользы, чем сотня лекций и переливаний из пустого в порожнее о «священных и неотъемлемых правах и свободах»!

– Не обращайтесь на него внимания, – тихо шепнул Мисе склонившийся к ней профессор Ирум. – Он у нас всегда так шумит и радикальничает, но только за столом и на словах. А сам в своем Департаменте боится даже слово поперек начальнику сказать, это мне известно из верных рук.

– Я и не сомневаюсь, – тряхнув головой, Миса презрительно скривила губы. – Слишком много громких фраз.

Эмердис же и отец Ар-Каад пытались всех примирить. Это удалось лишь после того, как еще раз разлили вино и отче прогудел басом тост «за мир в сердцах человеческих и братское согласие». Звенькнул хрусталь, задвигались тарелки, замелькали ложки и вилки, заработали челюсти и зубы, – и мир с братским согласием быстро воцарился за столом. И разговоры потекли уже более спокойные.

– А что вы у нас будете читать? – поинтересовался Фетах у г-на Арпака, когда тот, слегка зевнув и небрежно отодвинув тарелку, достал из кармана маникюрную пилку и принялся сосредоточенно шлифовать ногти. – Я слышал, что-то с космологией?

– Да, – рассеянно кивнул г-н Арпак, – спецкурс «Проблемы современной космологии».

– О, я обожаю космологию! – тут же вклинилась в разговор Бия. – Всякие там звезды, планеты, кометы – это так занимательно!

Фетах раздраженно отмахнулся от нее и вновь было повернулся к г-ну Арпаку, но его опередил Стиг.

– И какие же там могут быть проблемы?

Г-н Арпак удивленно воззрился на Стига.

– Вообще-то, самые разные, – он с плохо скрываемой иронией смотрел на фининспектора. – А что?

– Например?

Г-н Арпак усмехнулся и пожал плечами.

– Например, форма Земли – шар или плоское тело?

Стиг изумленно хохотнул.

– Неужто и из этого проблему сделали?! Да-а, – протянул он и покрутил головой, – ученым только дай, они и из таблицы умножения проблему сделают! Что ж тут проблемного? Неужто в наши дни можно всерьез рассуждать о плоской Земле? А что вокруг нее, под ней, над ней? Три кита и черепаха? Смех да и только!

Г-н Арпак заметно оживился и отложил пилку.

– Ну, во-первых, про черепаху никто ничего и не говорил, эта версия свое отжила. А по поводу других вопросов отвечаю: вокруг Земли – Мировой, или Вселенский, Океан, над –

небо, под – земные недра или тот же Океан, если верна гипотеза плавающей Земли. Что же тут смешного?

– Позвольте, позвольте! – загорячился Стиг. – Ладно, пусть Океан, небо, недра, но где-нибудь они же должны кончаться? Не могут же они быть бесконечными и занимать всю вселенную! Это же абсурд!

– А почему не могут? Чем бескрайний и безграничный Океан, занимающий всю вселенную, абсурдней бескрайнего и безграничного космоса в традиционной космологии? Если задумаетесь над этим, то поймете, что количество абсурда и там, и здесь приблизительно одинаково. Более того, бескрайний Океан представить всё-таки легче, чем бескрайнее пустое пространство, без верха и низа, в котором нельзя ни упасть, ни взлететь, а можно только двигаться непонятно куда. Это всего лишь стереотипы, что навязывают нам со школьной скамьи и не позволяют видеть вещи в ином, возможно, более истинном свете. Вопрос же о пределе, о бесконечности возникает в любой космологии, и выбор между ними – это сегодня не столько вопрос истины, сколько вопрос вкуса, – доказать пока мы ничего не можем.

– Но позвольте! – заволновался Стиг, обескураженный и сбитый с толку. – А как же факты, наблюдения: парусник, vyplывающий из-за горизонта по частям? Круглая тень Земли при лунных затмениях? А Коперник, а кругосветные плаванья древних, еще до Катастрофы?

Г-н Арпак снисходительно улыбнулся, а все вокруг, отложив вилки, уже заинтересованно прислушивались к внезапно возникшей дискуссии.

– Начнем с того, что я не утверждаю, что Земля – плоская, как не утверждаю и обратного, – он небрежно откинулся и покачался на стуле, в голосе его появились лекторские нотки. – Я констатирую лишь наличие неразрешенной пока проблемы, и пути ее решения могут быть различны. Есть разные гипотезы, вполне объясняющие перечисленные вами примеры. Например, гипотеза локально шарообразной Земли, то есть что Земля – шар лишь в отдельных областях, точках или при определенных условиях.

– Шарообразная местами?! – Стиг только развел руками. – Это уж ни в какие ворота не лезет!

Но г-н Арпак невозмутимо продолжил.

– Если вы уж так хорошо помните школьные учебники по природоведению за второй класс, – не преминул он подпустить шпильку, – то, наверно, должны вспомнить и из старших классов, из курсов геометрии и физики, что евклидова геометрия не единственно возможная. И более того: скорее всего, реальное пространство нашей вселенной сильно искривлено тяготеющими массами, без разницы какими – звездами ли и галактиками, если брать классическую картину мира, землей ли и водой, если говорить про гипотезы нетрадиционные. И по некоторым расчетам, теоретическим конечно, земное пространство может таким хитрым образом быть искривлено, что в одних местах Земля будет шаром, а в других – плоским телом, ограниченным своим краем.

Тут уж не выдержал и Эмердис, – достав платок, он вытер пот со лба, лица, шеи.

– Но, помилуйте, как это можно представить?!

Г-н Арпак пожал плечами.

– Вообще-то, современная наука давно отказалась от наглядности как критерия истины. Многое в этом мире, начиная с искривленного трехмерного пространства, представить невозможно, но, однако, это может существовать, хотим мы этого или нет. Из этого, кстати, можно сделать вывод, что мир этот не создавался специально для нас. Представить нельзя, но аналогию, весьма, конечно, грубую и приблизительную, привести могу. Если взять конечную двухмерную плоскость, например лист обычной бумаги, и свернуть его в трубочку, получим простейшую модель такой Земли. Двигаясь в одном направлении, поперек оси, вы сделаете круг и вернетесь в исходную точку, из чего вполне обоснованно заключите, что перед вами – шар. Этим же, в частности, может объясняться, почему парусник из-за горизонта появляется

по частям. А если же будете двигаться в другом направлении, вдоль оси, то никакого искривления не заметите и наткнетесь в конце концов на край, из чего также обоснованно можете умозаключить, что перед вами ограниченное плоское тело. И тень от такого тела, это я уже про лунные затмения, в зависимости от угла освещения, проекции, может быть самой различной – и кольцеобразно-круглой, и неправильной, и даже прямоугольной, но ведь это ничего не доказывает и не говорит о реальной форме тела.

Вмешался и профессор Ирум.

– А как тогда объяснить, что кругосветные путешествия, если верить историческим хроникам, удавалось совершать, двигаясь в самых разных направлениях? Корабли выходили из разных точек, двигались и на запад, и на восток, и на юг, то есть во все стороны света, но тем не менее везде и всегда делали круг. Хотя по вашему примеру такое возможно лишь при движении в одном, строго заданном направлении. То же самое и про парусник: с какой бы стороны он ни выплывал, с севера ли, с запада ли, из-за горизонта он всегда появляется по частям, что тоже не укладывается в вашу модель.

– Давайте по порядку. Во-первых, я сказал, что это всего лишь аналогия, причем весьма грубая и приблизительная. Во-вторых, вы никогда не задумывались, не пытались понять, почему, если верить тем же хроникам, все кругосветные путешествия совершались только морем? И ни разу никому не удалось совершить кругосветку посуху. Обычно это объясняют просто, – мол, таково распределение суши на земном шаре, что вода всюду окружает континенты. Но ведь это можно объяснить и иначе. Дело просто в том, что вода, океанские массы, иначе, нежели массы суши, искривляют окружающее пространство, вплоть до замыкания его в сферу. То есть именно на морских просторах наша Земля становится шаром, а на суше – остается плоской. Этим же объясняется и пример с парусником, – просто Океан так искривляет пространство, откуда бы ни выплывало судно.

Профессор Ирум не сдавался.

– Но ведь такой же эффект можно наблюдать и на горизонте суши, конечно не с парусником, а, например, с башнями какого-нибудь города, если постепенно приближаться издали.

Г-н Арпак улыбнулся.

– Если выйти за южную околицу Лахоша, я увижу Бахем? Ведь, насколько я силен в географии вашей Республики, он всего в двух километрах от города, то есть в пределах обозримости.

– Нет, конечно, его холмы закрывают.

– Вот вы и сами ответили на свой вопрос. На суше примеры, аналогичные паруснику, ничего не доказывают, так как всё это может объясняться и объясняется наличием рельефа, неровностей. Вы же не скажете, что невозможность видеть ближайшее село объясняется шарообразностью Земли? Еще по поводу кругосветных: строго говоря, доказательством шарообразности могло бы являться лишь такое путешествие, когда путешественник двигался бы только в одном направлении, что называется по линейке, по прямой. Но реальные кругосветки, сами знаете, проходили иначе: корабли десятки и сотни раз меняли курс, петляли, разворачивались, останавливались. То есть основное требование – движение в одном направлении – не соблюдалось, и поэтому ничего они, по сути, не доказали. Если человек, проплывавший день в лесу, вернется в исходную точку, он же не скажет, что это доказывает шарообразность Земли.

– Но ведь известно, что до Катастрофы люди летали в космос, и Земля выглядела оттуда шаром, как и остальные планеты, – как с этим?

– Ну, во-первых, факт космических полетов многие исследователи не считают достоверно установленным. В уцелевших документах и литературе того времени, в газетах и журналах можно встретить много чего: и пришельцы с других планет их ежедневно посещали, и судьбы свои по звездам читали, и светом одним солнечным питались. Вы уж как историк лучше меня должны знать, что не всем источникам можно доверять. А по поводу находок

на мысе Унур, я про последнюю экспедицию Рисенского университета, тоже надо доказать, что это именно космические аппараты. Видел я их отчеты, фотоматериалы и могу сказать, что груды покоренного, оплавившегося металла видел, а ракет не заметил. И даже если действительно летали, то и это, возможно, объяснимо каким-то искривлением надземного пространства. Слишком мало у нас данных о тех полетах, считать надо всё, степень кривизны вычислять, но данных нет, поэтому спорить здесь пока не о чем.

Стиг заерзал на стуле, желая, видимо, возразить, но его опередил вновь встрявший Эмердис.

– Но ведь вся докатастрофная наука, а это, согласитесь, великая Наука – столько имен! – считала Землю шаром. Неужели все они, и Коперник, и Галилей, ошибались?!

– Я могу с таким же успехом привести с десяток мыслителей, пусть и более ранних эпох, но не менее великих – античных, средневековых, – что придерживались обратного мнения, но что из этого следует? Кстати, – спохватился г-н Арпак, – кое-что всё-таки отсюда может следовать. Вы не слышали никогда про гипотезу профессора Мркеса из Бофирского университета о нестационарной Земле? Нет? Интересная тоже идея, а суть ее в следующем: его когда-то заинтересовал вопрос, а почему древние вавилоняне, египтяне, многие греки и прочие так упорно считали Землю плоской? Ведь ни в интеллекте, ни в наблюдательности им отказать было нельзя: небо ночное досконально знали, по звездам ориентироваться умели, времена года по ним определяли, календари удивительнейшие разрабатывали, затмения солнечные предсказывали (чего, кстати, в подавляющем большинстве не умеет ни один из наших современников). И пирамиды гигантские строили, и каналы, храмы, сооружения циклопические, причем без сложной техники! Системы философские грандиозные создавали и эпосы великие, электричество гальваническое знали и двигатель паровой. Так неужели эти люди оказались настолько тупы и несообразительны, что не замечали фактов, излагаемых теперь в учебниках за второй класс?! Но, с другой стороны, разве не менее великие умы и Коперник с Галилеем, и вся новая наука, что твердили обратное – о шарообразности Земли? Тогда к нему и пришла мысль: может, всё дело просто в том, что в далекой древности, времена вавилонские, Земля действительно была плоской? Но со временем начала менять форму, постепенно замыкаясь в сферу, и к веку пятнадцатому уже стала шарообразной, что и наблюдали ученые Нового времени. Расчеты его я, конечно, приводить сейчас не буду, но они показывают, что такое в принципе возможно. По крайней мере, это не выглядит более невероятным, нежели популярная некогда теория нестационарной расширяющейся Вселенной. Конечно, можно возразить, что в той же древности отдельные греки, начиная с Пифагора и Платона, уже говорили о шарообразности Земли. Но ведь то были гении, как всегда опережавшие свое время. И, возможно, их гениальная интуиция просто предвосхищала будущее Земли, а не ее современное состояние, угадала тенденции развития. К тому же по тем же расчетам Мркеса выходило, что ввиду неоднородности земных масс процесс замыкания в сферу происходил неравномерно. И, что вполне вероятно, в области Эгейского моря Земля начала искривляться, становиться шарообразной гораздо раньше, нежели в других регионах, что и могли наблюдать Пифагор с Платоном. Кстати, объясняет его гипотеза и Катастрофу. Предположив, что форма Земли меняется циклически, скажем так осциллирующая Земля, профессор вывел, что Катастрофа – это не что иное, как начало обратного цикла. То есть сто шесть лет назад произошел разрыв шарообразной поверхности, и, скорее всего, во многих точках, и Земля начала размыкаться снова в плоскость. А все произошедшие катаклизмы, что так сильно отбросили человечество назад, следствия именно этого события, а вовсе не столкновения с кометой, очередного потопа, мировой войны или тотальной амнезии, как пытаются объяснить многие. Так что вполне возможно, что правы и Коперник с Галилеем, и древние вавилоняне с египтянами, но правы по отношению к Земле своего времени. Подтвердить или опровергнуть эту идею могут только исследования. Экспедиции нужны крупномасштабные, картографировать всё надо, старые карты

ни к черту не годятся, слишком уж изменилась Земля. Да и вся пространственно-временная структура мира тоже, как говорят некоторые физики. По крайней мере, некоторые мировые константы вроде бы не совпадают с прежними, не намного, но всё же. Кое-кто даже сомневается, а в той ли вообще вселенной мы живем? И Океан нужно всё-таки попробовать пересечь и выяснить, есть ли там, за ним, что-нибудь – новые материки, край мира или только сам Океан? Но для этого нужны политические изменения. Пока мы рассыпаны на сотни мелких деспотий, пока беспрестанно воюем меж собой, дальше своего носа мы ничего и не увидим. Последняя попытка, я о пропавшей экспедиции капитана Умбы из Бофира, конечно, похвальна, но силами одного княжества, пусть они и исконные мореходы, этого не осилить. Нужно объединять наши земли, когда-то же, до Катастрофы, мы ведь жили одним государством.

– И объединить нас, конечно, может только Насар? – ехидно вставил Стиг. – К этому клоните?

Миса, решившая подкрепиться, пока «муж» разглагольствует, застыла с вилкой у рта, а затем метнула на Эмердиса уничтожающий взгляд. Остальные смущенно заерзали на стульях, словно Стиг сказал невозможную бестактность. Но г-н Арпак был невозмутим, – он лишь удивленно вздернул брови и вопросительно посмотрел на Стига.

– Разве я что-то говорил про Насар? Или хоть раз упомянул его за сегодняшний вечер? – и, не получив ответа, взял со стола пилку. – Хотя с исторической точки зрения, и уважаемый профессор Ирум не даст мне соврать, у Насара как бывшего губернского центра действительно больше, чем у кого бы то ни было в Приречье, прав на такое объединение. Да, он сильнее всех и пострадал во время Катастрофы, но всё равно это самый большой город в дельте Фисона. И разве Лахош, Рисен, Эльхам, прочие наши соседи, в том числе моя родная Амарна, это не бывшие уездные городки Насарской губернии времен Конфедерации? – г-н Арпак махнул рукой. – Впрочем, оставим, история сама рассудит, кому и как объединяться.

– Да, история всё рассудит, – поддакнул Эмердис и хихикнул, – и не посмотрит, круглая Земля или плоская как блин.

– Насчет последнего я бы так уверенно не утверждал, – возразил профессор Ирум и сложил руки на брюшке. – Космологическая картина мира всегда имела и будет иметь крупнейшее историческое и политическое или, точнее, геополитическое значение. Знай Александр Македонский истинные размеры Ойкумены, он, наверно, и не начал бы похода на Восток. Или ограничился бы ближайшими территориями. Если бы вдруг выяснилось, что Земля – не шар, а, например, бесконечная плоскость, заселенная бесконечным множеством племен и народов, думается, внешняя политика многих государств строилась бы иначе. Хотя в принципе мы и сейчас в таком же положении. Дальше Приречья и Диких Степей вокруг ничего почти не знаем, а мним себя центром мира. Туземцы Африки тоже мнили – пока европейцы не пришли. Может, всё наше Приречье – один из островков в каком-нибудь захолустном архипелаге на краю мира? Или окраина континента, давно объединенного какой-нибудь империей, у которой просто руки еще не дошли до нас? Всё возможно в мире, границ которого ты не знаешь.

– Вот! – отец Ар-Каад грохнул кулаком по столу, да так, что все вздрогнули, и, торжествуя подняв палец, прогудел. – Вот сколько веков всяк кому не лень швырял камень в нашу Мать-Церковь! Мол, мракобесы, Коперника не признавали, а теперь – нате, извините, ошибочка мол, Земля-таки, видать, плоская!

Г-н Арпак, вновь было взявшийся обихаживать ногти, с некоторым удивлением взглянул на священника и убрал пилку.

– Ну, положим, плоская Земля или нет, это еще не установлено, а излагал я здесь всего лишь гипотезы. А во-вторых, камешки-то летели вовсе не за это: разногласия разногласиями, но оппонентов своих сжигать-то зачем? А языки резать, рты затыкать – это как? Так что камешки в огород ваш летели по адресу.

– Ха! – и отец Ар-Каад хмыкнул. – А сами-то лучше, господа ученые? Вы себе в добродетель ставите, что, мол, только словесно друг с другом сражаетесь, никого, мол, силой к истине не принуждая. Так ведь это просто всё как день божий: власти просто не имеете, оттого и не жгете друг друга. А коли б имели, то, разумею, многие диспуты в академиях ваших заканчивались бы там же – на костре. Вспомните времена былые, разве словом одним с «лжеучеными» всякими боролись, еретиками вашими? И чинов, достатка никого не лишали, и в Степи Дикие не ссылали на поселения вечные? А на кесаря нашего, Маршала, да псов его цепных из охранки кивать нечего, мол не мы это, Господи, а кесарь всё окаянный. Откуда пушкарю полуграмотному, картошку от свеклы только в миске отличающему, без вас разобраться, где там у вас истина – в генах ли, родились земля с небом али всегда были? Это ведь, по размышлению зрелому, не кесарь решал, ума у него бы не хватило, а кто-то просто из братии вашей ученой жезлом маршальским попользовался, дабы свою только истину утвердить. Так что это еще поглядеть надо, у кого в глазу – бревно, а у кого – соринка. Ну а что костры были, да, были, – ну так это от рвения излишнего, к истине ревновали чересчур усердно. Но ведь и мы гонимыми бывали, и не раз, и не только во времена первохристианские. И нас жгли, и нас судили судами несправедными, и храмы взрывали, и клеветали, и от Господа нашего Христа отрекаться заставляли, – всё было!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.